

H. eccl.

3154

L

H. excl.

Arsen'er

3154 +

BAVERISCHE
STAATSBIBLIOTHEK
MÜNCHEN

HOCHSCHULE

CRISTATO RPECTA

PETROPOLONEFIALO B OCPHAKOHEFIALO

COPIE CLENTA M. D. ALA T. M. M.

MAHA APOHEFIA

MAHA APOHEFIA

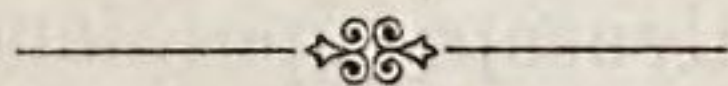
MOCHBA

MAHA APOHEFIA

1881

О РАВНОЧЕСТНОМЪ
ПОЧИТАНІИ
СВЯТАГО КРЕСТА

ЧЕТВЕРОКОНЕЧНАГО И ОСЬМИКОНЕЧНАГО.

СОЧИНЕНІЕ СТУДЕНТА М. Д. АКАДЕМІИ

ИВАНА АРСЕНЬЕВА.

Изданіе Братства св. Петра Житрополита.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Арбатъ, д. Платонова.

1889.

Отъ Мссковскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 13-го марта, 1889 года.

Цензоръ протоіерей *Срмеонъ Вишняковъ*.

О РАВНОЧЕСТНОМЪ ПОЧИТАНІИ СВЯТАГО КРЕСТА

ЧЕТВЕРОКОНЕЧНАГО И ОСЬМИКОНЕЧНАГО.

„Креста Твоего древу покланяемся, Человѣколюбче, яко на немъ пригвоздился еси, Животе всѣхъ“ (По 1-мъ стихословіи сѣдаленъ на утрени, 14 сентября, на Слава и нынѣ).

„Воздвиглъ еси наше падшее естество Христомъ распеншимся, и совозставивъ, высота Божественная, глубина неизглаголанная, Христово ты еси знаменіе, кресте пребогате, и широта безмѣрная, и знаменіе непостижимыя Троицы, жизненосче!“ (Канонъ Кресту, 8 пѣснь, 2-й стихъ).

„Сѣннописавъ крестъ Моисей, распростеръ руцѣ, Амалика побѣди: егоже воображающе, руцѣ простираемъ, постомъ и мольбами, яко да полки побѣдимъ бѣсовскія, борющія насъ всегда завистію“ (Въ четвертокъ 4 седм. Вел. поста, на утр., I трипѣснца, ст. 2—3).

Въ числѣ предметовъ, которые служатъ причиною отдѣленія глаголемыхъ старообрядцевъ отъ православной греко-россійской Церкви, вопросъ о равночестномъ почитаніи четвероконечнаго (двучастнаго) и осьмиконечнаго (четверочастнаго) Креста до сего времени служитъ поводомъ къ весьма сильнымъ и жестокимъ нареканіямъ со стороны нашихъ мнимыхъ ревнителей старины на церковь*). Сущность всѣхъ этихъ нареканій сводится къ этой

*) Въ началѣ прошлаго столѣтія среди поповцевъ образовалось такъ называемое *Діаконово согласіе*, члены котораго почитали четверо-

общей мысли, что Церковь российская, въ лицѣ своихъ представителей, — пастырей и учителей, — со временъ патр. Никона, перестала почитать животворящій Крестъ Христовъ, перестала воздавать ему подобающее поклоненіе и, мало того, — даже возненавидѣла сіе знаменіе нашего спасенія. Въ первый разъ со всею раздѣльностію и ясностію такія мысли изложены были въ той челобитной, которую послали къ царю Алексію Михайловичу мятежные иноки Соловецкой обители въ октябрѣ 176 (1668) года, и которая была второю по числу изъ посланныхъ ими въ Москву осенью 1668 года. „И самый истинный и животворящій Крестъ Христовъ“, читаемъ мы въ этой челобитной, „отъ трехъ древъ, отъ пегы, и кедра, и кипариса сотворенный, отставили и возненавидѣли его, и непотребна сотворили, возлюбили крѣзь латинскій, и во всемъ почитаютъ его паче истиннаго Божественнаго Креста Христова, отъ трехъ древъ сотвореннаго....“ Въ этихъ словахъ ясно выступаютъ два пункта обвиненія: 1) Церковь российская обвиняется въ отставленіи животворящаго Креста Христова и въ ненависти къ нему; 2) обвиняется въ почитаніи „крѣзя латинскаго“. Разсмотримъ каждый изъ сихъ пунктовъ въ отдѣльности.

1) *И истинный и животворящій Крестъ Христовъ отставили и возненавидѣли...* Прежде чѣмъ разбирать, справедливо ли это обвиненіе, намъ необходимо разъяснить, какой именно Крестъ называютъ старообрядцы истиннымъ Крестомъ Христовымъ. Въ Соловецкой челобитной открыто заявляется, что истиннымъ и животворящимъ Крестомъ Христовымъ именуется лишь тотъ

конечный Крестъ наравнѣ съ осмиконечнымъ. Но дьяконовцы составляли рѣзкое исключеніе среди всѣхъ прочихъ старообрядцевъ, какъ поповцевъ, такъ и безпоповцевъ. Впрочемъ, и они съ теченіемъ времени ослабили свое уваженіе къ четвероконечному Кресту. — Съ 1862 года среди поповцевъ образовалось особое общество, такъ называемыхъ *окружниковъ*, которые стали также почитать двучастный Крестъ.

Крестъ, который былъ сдѣланъ изъ трехъ древъ, — певга, кипариса и кедра, и который по сему самому есть Крестъ трисоставный или (какъ добавляетъ писатель книги „Меча Духовнаго“), четверочастный со дщицею, тричастный, трисложный, а по новѣйшему выраженію — осьмиконечный, т.-е. состоящій изъ прямого древа, поперечнаго древа, титла и подножія. Всякій другой видъ Креста, по ученію Соловецкой челобитной, Меча Духовнаго, Поморскихъ Отвѣтовъ и др. старообрядческихъ сочиненій, наиболѣе уважаемыхъ старообрядцами, нельзя признать за истинный Крестъ Господень, и принимающіе этотъ и иной видъ не суть почитатели Креста, но его противники. Такое рѣшительное мнѣніе мнимые ревнители древняго благочестія основываютъ на 13 ст. 60-й главы книги пророка Исаи, гдѣ говорится слѣдующее: *Слава Ливанова къ тебѣ приидетъ, кипарисомъ, и пегмомъ, и кедромъ, вкупѣ прославити мѣсто святое Мое, и мѣсто ногъ Моихъ прослаблю.* Основываясь на объясненіи нѣкоторыхъ святыхъ отцовъ и учителей Церкви, именно: св. Григорія Омиритакаго (въ преніи съ Ерваномъ жидовиномъ, бес. 3), блаж. Θεодорита Кирскаго (въ толков. на 60-ю гл. прор. Исаи), св. Іоанна Златоуста (въ словѣ въ нед. 3-ю Вел. поста), св. Германа Цареградскаго (въ словѣ въ нед. 1-ю Вел. поста), уважаемаго учителя „Хруса уединеннаго“ (въ словѣ на Воздвиженіе честн. Креста, Чет. Мин. митр. Макарія, сент. 14 день), св. Іоанна Дамаскина (въ Октоихѣ) и нѣк. др., — основываясь на всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ, писатель „Меча Духовнаго“, Соловецкіе челобитчики и братья Денисовы (въ „Керженскихъ“ и „Поморскихъ Отвѣтахъ“) единогласно принимаютъ мнѣніе, что Крестъ, на которомъ распятъ былъ Господь, сдѣланъ былъ изъ трехъ древъ, указываемыхъ пророкомъ: изъ певга, кипариса и кедра. Дѣйствительно, указанные отцы и учителя Церкви объясняли 13-й ст. 60-й главы книги прор. Исаи именно въ этомъ смыслѣ: въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Но были среди святыхъ отцовъ и учителей Церкви также и такіе, которые всю 60-ю главу прор. Исаіи, слѣд. и 13-й ея стихъ, толковали не въ буквальномъ, а въ духовномъ смыслѣ, какъ указаніе на славу и неодолимость Христовой Церкви. Такъ объясняли указанное пророчество блаж. Іеронимъ (толкованіе на пр. Исаію, 60 гл.), блаж. Θεодоритъ, св. Амвросій Медиоланскій и др. Объяснять, въ частности, 13-й стихъ 60-й главы не въ буквальномъ смыслѣ, какъ указаніе на составныя древа Креста Господня, а въ смыслѣ духовномъ, какъ пророчество вообще о свойствахъ новозавѣтной Церкви, — эти свв. отцы имѣли полное основаніе, потому что само Св. Писаніе нерѣдко пользуется образами сихъ древъ, особенно кедра, чтобы изобразить крѣпость, красоту и непоколебимость (см. Пс. 91, ст. 13; Пс. 28, ст. 5; Іез. 31, ст. 3 и 8). Итакъ, мнѣніе нѣкоторыхъ свв. отцовъ и учителей Церкви, что Крестъ Христовъ былъ сдѣланъ изъ трехъ древъ: кедра, кипариса и певга, никогда не было въ православной Церкви догматомъ вѣры. Если бы оно было догматомъ вѣры, тогда святые вселенскіе соборы въ своихъ постановленіяхъ утвердили бы его, какъ неизмѣнную на всѣ времена и обязательную для всѣхъ православныхъ христіанъ истину. Но этого они не сдѣлали, а поэтому и не осудили тѣхъ святыхъ отцовъ и учителей, которые истолковали 13-й стихъ 60-й гл. книги прор. Исаіи не въ смыслѣ указанія на три составныя древа Креста Господня, а въ смыслѣ пророчества о славѣ Церкви Христовой. Также не осудили и тѣхъ, которые писали и о Крестѣ четвероконечномъ, сложенномъ изъ двухъ древъ, называя его Крестомъ Христовымъ и учили ему поклоняться. Если же святоотеческое мнѣніе о трехъ древахъ св. Креста не есть догматъ вѣры, то какъ же смотрѣла и смотреть на него православная Церковь? Она съ уваженіемъ принимаетъ это благочестивое мнѣніе и, слѣдуя ему, дѣйствительно, относитъ 13-й ст. 60-й главы прор. Исаіи къ Кресту Господню.

Пусть войдутъ глаголемые старообрядцы въ православный храмъ, и они услышатъ, что и теперь, какъ и до патр. Никона, въ немъ поются тѣ самыя пѣснопѣнія св. Іоанна Дамаскина, въ которыхъ сей великій отецъ Церкви упоминаетъ о трехъ древахъ Креста Господня. Пусть послушаютъ они, какъ совершается въ православной греко-россійской Церкви служба въ навечеріе праздниковъ Воздвиженія Креста Господня и Происхожденія честныхъ древъ Креста, и они убѣдятся, что и теперь на этихъ навечеріяхъ читается та же паремія, какая читалась до патр. Никона, именно 60-я глава пророчества Исаи. Слѣдовательно, православная греко-россійская Церковь не только не отвергаетъ толкованіе нѣкоторыми святыми отцами этой главы въ приложеніи къ Кресту Господню, но и доселѣ ежегодно ясно показываетъ, что уважаетъ это толкованіе нисколько не менѣе, чѣмъ и глаголемые старообрядцы. Но такъ какъ она въ то же время не придаетъ, однако, указанному толкованію значенія догмата вѣры, то относится поѣтому съ одинаковымъ уваженіемъ и къ тому мнѣнію многихъ свв. отцовъ и учителей Церкви, по которому Крестъ Христовъ былъ четвероконечный. Ниже мы приведемъ подлинныя слова этихъ отцовъ и учителей, такъ что глаголемые старообрядцы ясно увидятъ, что всѣ они, говоря о Крестѣ Господнемъ, разумѣли подъ нимъ не иной Крестъ, какъ именно четвероконечный или двучастный. Итакъ, пусть отвѣтятъ глаголемые старообрядцы: кто поступаетъ правильно въ данномъ случаѣ, — они ли, или чада православной греко-россійской Церкви? Они, старообрядцы, совершенно произвольно поступаютъ, когда мнѣніе однихъ свв. отцовъ о Крестѣ Господнемъ принимаютъ, а мнѣніе другихъ свв. отцевъ о немъ же отвергаютъ: почему они такъ дѣлаютъ, когда ни то, ни другое мнѣніе никогда не было объявлено ни на одномъ вселенскомъ соборѣ догматомъ вѣры, какъ то утверждено о почитаніи самого честнаго Креста, слѣд., не есть какая-нибудь неизмѣнная

истина? Напротивъ, православная церковь, съ одинаковымъ уваженіемъ относится и къ тому мнѣнію нѣкоторыхъ свв. отцовъ, что Крестъ Христовъ былъ сдѣланъ изъ трехъ древъ — певга, кипариса и кедра и, слѣд., былъ осьмиконечный, какъ и къ тому мнѣнію другихъ свв. отцовъ, что онъ былъ четвероконечный. Оба мнѣнія она съ мудрою разсудительностію почитаетъ одинаково достойными уваженія, что и доказываетъ наглядно тѣмъ, что и теперь (какъ дѣлала и до патр. Никона) изображаетъ и на свв. храмахъ, и на священныхъ сосудахъ и облаченіяхъ, и тотъ и другой видъ Креста: иногда Крестъ осьмиконечный, а иногда четвероконечный. Этимъ она ясно научаетъ чадъ своихъ, что, слѣдуя свв. отцамъ, съ одинаковою честію подобаетъ поклоняться и осьмиконечному, и четвероконечному Кресту, потому что и тотъ и другой Крестъ есть истинный Христовъ Крестъ: ибо прежде устроенъ Крестъ четвероконечный, который Господь и понесъ на Себѣ на Голгоѣу и на немъ распялся, на которомъ послѣди положены титло и подножіе; и четвероконечный Крестъ не только до того положенія и устройства, то-есть положенія на немъ титла и подножія, но и по положеніи ихъ зрится среди ихъ и составляетъ собою крестный образъ, котораго четвероконечія — титло и подножіе въ сущности не упраздняютъ, но на немъ зрятся. Посему и свв. отцами почитался истиннымъ Крестомъ Христовымъ, какъ о семъ показано будетъ ниже. Посему и нынѣ Церковь православная почитаетъ одинаково какъ Крестъ осьмиконечный, такъ и четвероконечный. Итакъ, не вѣрно сказано въ Соловецкой челобитной, будто со времени патр. Никона російская Церковь отставила и возненавидѣла истинный Крестъ Господень: она не только не отставила и не возненавидѣла его, но и доселѣ съ такимъ же благоговѣніемъ почитаетъ его, съ какимъ и прежде почитала, и это великое благоговѣніе ея къ животворящему Кресту въ томъ особенно и выражается, что она одинаково чтитъ и осьмиконечный и четвероконеч-

ный Крестъ, и учить, что тотъ и другой — есть истинный Христовъ Крестъ.

Обращаемся ко второму пункту обвиненія, взводимого Соловецкими защитниками раскола на Церковь относительно крестнаго поклоненія:

2) *Возлюбили крыжъ латинскій...* Подъ именемъ „латинскаго крыжа“ здѣсь разумѣется двучастный Крестъ, который православная Церковь почитаетъ одинаково съ Крестомъ четверочастнымъ. Въ первый разъ это обвиненіе вызвано было, вѣроятно, распоряженіемъ патр. Никона, сдѣланнымъ вскорѣ по его вступленіи на патріаршескій престолъ, — о томъ, чтобы на просфорахъ печатали Крестъ двучастный, и чтобы самая печать имѣла отсюда не кругловидную форму, но четвероконечную. Инокъ Корнилій, занимавшій при патр. Іосифѣ и Новгородскомъ митрополитѣ Афѳоніи должность хлѣбопека и сдѣлавшійся впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ вожаковъ раскола, по сказанію писателя житія его*), пришелъ однажды въ праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ Успенскій соборъ и слышалъ, какъ тамъ спорили дьяки, совершать ли службу по старопечатнымъ книгамъ, или по новоисправленнымъ; тутъ же онъ усмотрѣлъ, что на просфорахъ, раздаваемыхъ народу, печать была не кругловидная, какъ было доселѣ, а четырехконечная; внутри же печати Крестъ не четверочастный, съ титломъ, подножіемъ и главою Адамлею внизу, но двучастный. Въ житіи далѣе рассказывается, что смущенный Корнилій указалъ на это новшество „братіи“**) и народу, и

*) Житіе инока Корнилія составлено въ 1731 году однимъ изъ Выговцевъ, по совѣту ученика Корниліева, Пахомія (См. Ист. русск. раскола, преосв. Макарія, стр. 251, прим. 449).

**) Такъ именовалъ себя тотъ кружокъ, который состоялъ изъ нѣкоторыхъ лицъ, недовольныхъ распоряженіями новаго патріарха. Къ этимъ лицамъ принадлежали: Павелъ, епископъ Коломенскій, протоіерей Москов. Казанскаго собора — Іоаннъ Нероновъ, протопопы Аввакумъ, Даніилъ и Логгинъ и нѣк. др. (См. Ист. раскола,

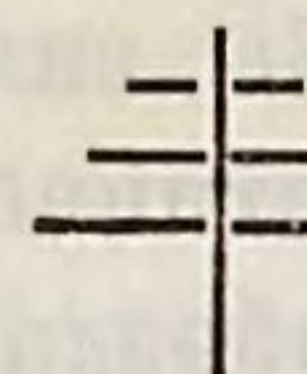
всѣ смутились вмѣстѣ съ нимъ. Это было въ 1653 году. Если вѣрить этому разсказу, то нельзя не прійти къ мысли, что уже въ это время начались среди старообрядцевъ толки о двучастномъ Крестѣ, — толки тѣмъ болѣе оживленные и сильные, что Никонъ успѣлъ уже возстановить противъ себя „братію“ изданіемъ своей *Памяти* съ постановленіемъ о поклонахъ въ св. Четыредесятницу и о сложеніи перстовъ при крестномъ знаменіи. Мысль эта подтверждается словами русскихъ архипастырей на соборѣ 1667 года. Излагая современное имъ положеніе дѣлъ и указывая причины для созванія собора, они говорятъ, между прочимъ, слѣдующе: „и просфоръ, на нихже изображенъ животворящій Крестъ четвероконечный, по преданію восточныя святыя Церкви, въ Божественное священнослуженіе не приимаху (рѣчь идетъ о священникахъ, не принявшихъ новоисправленныхъ книгъ), но отъ совершеннаго своего невѣдѣнія приимаху точію просфоры, на нихже изображенъ бысть животворящій Крестъ съ подножіемъ и со главою Адамлею и съ надписаніемъ сицевымъ: „се Агнецъ Божій, вземлай грѣхи всего міра“ (см. въ Дѣяніяхъ Московскаго собора 1667 года). Итакъ, несомнѣнно, что ко времени созванія собора 1666—67 г. взглядъ старообрядцевъ на Крестъ двучастный, какъ на еретическій, настолько утвердился, что вызвалъ со стороны недовольныхъ священнослужителей отверженіе просфоръ, на которыхъ изображенъ былъ сей видъ Креста. Вотъ гдѣ надо искать начало обвиненію старообрядцами россійской Церкви въ почитаніи „латинскаго крыжа“, о чемъ писали къ царю Алексію Михайловичу Соловецкіе мятежники въ 1668 году, т.-е. спустя годъ послѣ собора 1667 года. Обращаемся затѣмъ къ самому обвиненію. Почитая Крестъ двучастный „латинскимъ крыжемъ“ и не признавая его за истинный Крестъ Господень, наши про-

преосв. Макарія, стр. 160—161, и Ист. русск. Церкви, его же, томъ XII, стр. 2—3).

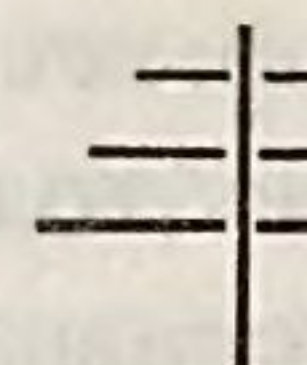
тивники въ томъ и видятъ главную вину Церкви, что она приняла сей самый двучастный „крыжъ латинскій“, а чрезъ то открыто будто бы заявила, что питаетъ непримиримую ненависть къ истинному Кресту Христову, который, по мнѣнію старообрядцевъ, есть только четверочастный (осьмиконечный) Крестъ. Мы уже показали, разбирая первый пунктъ обвиненія, что совершенно неосновательно поступаютъ глаголемые старообрядцы, когда выводятъ изъ нѣкоторыхъ святоотеческихъ свидѣтельствъ ту мысль, будто одинъ только осьмиконечный Крестъ есть истинный Крестъ; показали также и то, что старообрядцы не могутъ найти доказательства для обвиненія Церкви въ отверженіи Креста Христова, — не могутъ найти потому, что ежедневная практика російской Церкви противорѣчитъ ихъ словамъ. Теперь намъ слѣдуетъ доказать, что Церковь, почитая двусоставный Крестъ наравнѣ съ четверочастнымъ, нисколько не уклонилась въ ересь латинскую, какъ утверждаетъ Соловецкая челобитная, ибо и двусоставный Крестъ есть такой же истинный Крестъ.

Согласимся на первый разъ съ нашими противниками, что Церковь російская возлюбила и ввела въ употребленіе у себя „крыжъ латинскій“. Но что такое означаетъ слово *крыжъ*? Это слово не русское, а польское, а по-польски оно означаетъ совершенно то же, что и по-русски слово *крестъ*. Итакъ, если переведемъ слово *крыжъ* на нашъ родной языкъ, то получимъ слово *крестъ*. Въ такомъ случаѣ второй пунктъ обвиненія, возводимого на Церковь Соловецкою челобитною, получить такой видъ: церковь возлюбила *крестъ* латинскій. Такимъ образомъ, по смыслу обвиненія, выходитъ, что Церковь отвергла Крестъ истинный и стала почитать Крестъ не истинный, но латинскій, еретическій. Теперь обратимся къ латинянамъ и посмотримъ, дѣйствительно ли у нихъ употребляется Крестъ двусоставный. Въ самомъ дѣлѣ они употребляютъ сей видъ Креста предпочтительно предъ всѣми прочими. Но есть у нихъ и такіе Кресты, у кото-

рыхъ въ верхней части устраивается титло или нѣкоторое его подобіе, такъ что Крестъ получаетъ такой видъ:

, или иногда такой: . Для подтвержденія до-

статочно сходить въ латинскій костелъ или посмотри́ть, какъ латиняне изображаютъ своего папу и своихъ архіереевъ: въ рукахъ эти архіереи и папа, обыкновенно,

держатъ именно такой Крестъ: . Поэтому слова:

„крыжъ латинскій“ еще не даютъ яснаго понятія, о какомъ именно Крестѣ идетъ рѣчь, о двусоставномъ или о трисоставномъ, или же даже четырехсоставномъ. Слѣдовательно, и самое обвиненіе православной греко-россійской Церкви въ принятіи „крыжа латинскаго“ (если такое обвиненіе и было бы даже справедливо, чего на самомъ дѣлѣ сказать никакъ нельзя, какъ увидимъ ниже) еще далеко не выражаетъ той сильной вины, которую желаютъ возвести на Церковь старообрядцы.

Но, отвѣтятъ намъ старообрядцы, въ томъ именно и заключается вина русской Церкви, что она заимствовала Крестъ у латинянъ, а сей Крестъ, будь онъ двусоставный, трисоставный или четырехсоставный, — все же не есть тотъ Крестъ, который почитала древле-россійская Церковь, т.-е. Крестъ четверочастный съ титломъ и подножіемъ, — но есть только образъ или сѣнь сего истиннаго Креста.

Хорошо, возразимъ мы, пусть Церковь, дѣйствительно, заимствовала у латинянъ образъ Креста (хотя на самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ ниже, этого вовсе не случилось), но что же изъ этого? Откуда видно, что латиняне погрѣшали когда-либо въ почитаніи Креста? Заблужденія латинянъ извѣстны; извѣстно и то, какъ неоднократно ревностные православные учителя осуждали ихъ за эти заблужденія. Но никто никогда не обвинялъ латинянъ

въ заблужденіи относительно Креста Христова. Первая и главная причина отдѣленія греко-россійской Церкви отъ Церкви латинской есть догматъ объ исхожденіи Духа Святаго и отъ Сына. Другая важная вина латинской церкви заключается въ томъ, что они своего папу почитаютъ за намѣстника Христова на землѣ и за главу Церкви, считая его непогрѣшимымъ. Есть много и другихъ особенностей латинской Церкви, изъ которыхъ одна изъ важнѣйшихъ состоитъ въ томъ, что латиняне употребляютъ при литургіи хлѣбъ безквасный. Вотъ что пишетъ о разностяхъ между нами и латинянами уважаемый самими старообрядцами православный канонистъ Севасть Арменопуль: „Два суть проявленная и великая, творящая разнство между нами и латины: первое и вѣщшее о Святомъ Дусѣ догматъ: второе же и неравнаго слова, безквасныхъ приносъ. Писанія же чтенія, ветхаго же и новаго, молитвы, пѣснопѣнія, Божественные храмы, и *поклоненіе честнаго Креста*, и святыхъ иконъ, общая симъ суть и намъ. *Понеже и тамо* (въ латинскихъ храмахъ) *честнаго Креста... есть воздвиженіе и поклоненіе* (Книга 5-я. Отвѣты Іоанна Китрожскаго Константину Кавасилѣ)“. Въ этихъ словахъ ясно и опредѣленно говорится, что относительно поклоненія честнаго Креста у насъ и у латинянъ все общее: „понеже и тамо честнаго Креста есть воздвиженіе и поклоненіе“.

Можетъ быть, наши противники скажутъ на это: свидѣтельство Арменопула есть свидѣтельство частнаго человека, а не цѣлаго собора церковнаго, и поэтому оно не есть голосъ всей Церкви, слѣд., вѣрить ему нельзя.

Положимъ, что свидѣтельство Арменопула и не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія (хотя это предположеніе на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не вѣрно: такой ученый канонистъ, какъ Севасть Арменопуль, не могъ не знать въ точности, въ чемъ состоятъ наши разногласія съ латинами). Но какое же значеніе имѣетъ тогда мнѣніе самихъ старообрядцевъ, что латиняне заблуждаются относительно по-

читанія Креста Христова? На чемъ основано это мнѣніе? Какой вселенскій или помѣстный соборъ указалъ на заблужденія латинянъ относительно Креста? Просимъ старообрядцевъ указать намъ на такое соборное свидѣтельство, ибо въ противномъ случаѣ и ихъ мнѣніе будетъ только голосомъ частныхъ лицъ.

Въ отвѣтъ на нашу просьбу старообрядцы укажутъ, пожалуй, на то же, на что указываетъ и Соловецкая челобитная 1668 года, именно на тотъ фактъ, что, когда при великомъ князѣ Іоаннѣ III, прибылъ въ Москву, по поводу пріѣзда греческой царевны Софіи, папскій посолъ изъ Рима, кардиналъ Антоній, предъ которымъ несли латинскій Крестъ, то великій князь и митрополитъ Филиппъ I не пустили его въ Москву до тѣхъ поръ, пока онъ не спряталъ латинскаго Креста у себя въ саняхъ. Но ревность митрополита Филиппа въ этомъ случаѣ объясняется тѣмъ, что въ то время всѣ русскіе люди, не только свѣтскіе, но и духовные, особенно опасались вліянія латинства на православіе; вслѣдствіе чего, оказать какую-нибудь, хотя и малую, почесть латинянамъ казалось въ глазахъ нашихъ предковъ немислимымъ. На такой именно взглядъ, господствовавшій въ то время, указываютъ и самыя слова, сказанныя митрополитомъ Филиппомъ вел. князю: „неприлично намъ и слышать о томъ, не только что видѣть, потому—что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался“. Если припомнить, что незадолго до 1472 года, когда пріѣхала въ Москву греческая царевна съ римскимъ кардиналомъ, именно въ 1441 году, въ княженіе отца Іоанна III, Василія II Темнаго, московскій митрополитъ Исидоръ измѣнилъ православію и принялъ флорентійскую унію, а затѣмъ и латинство,—то ненависть московскаго населенія къ латинству станетъ еще болѣе понятною. Во всякомъ случаѣ никакъ нельзя дѣлать изъ поступка великаго князя и митрополита того заключенія, какое дѣлаетъ Соловецкая челобитная: будто латиняне заблуждаются

относительно крестнаго почитанія, ибо поступокъ и слова одного митрополита не могутъ имѣть значенія голоса всей Церкви, какъ хотятъ того старообрядцы въ данномъ случаѣ.

До сихъ поръ мы предполагали, что слова Соловецкой челобитной, будто Церковь россійская возлюбила и начала почитать „крыжъ латинскій“, справедливы, — что Церковь со времени патріарха Никона, дѣйствительно, приняла „крыжъ латинскій“. Но, слѣдуя этому предположенію, мы пришли къ тому заключенію, что, если бы Церковь и заимствовала Крестъ отъ латинянъ, она не была бы виновна, поелику латиняне никогда не заблуждались относительно Креста Христова. Теперь мы покажемъ, что Церковь на самомъ дѣлѣ не принимала и не принимаетъ латинскаго Креста, но всегда содержала и нынѣ содержитъ тотъ же Крестъ, который всегда почитала не только вся древняя россійская Церковь, но и вся вселенская Церковь, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства и до нашего времени. Сужденіе наше будетъ произвольно: всѣ свои положенія мы подкрѣпимъ такими основаніями и доводами, которые будутъ ясны и очевидны для самихъ нашихъ противниковъ.

Главный источникъ всѣхъ предубѣжденій старообрядцевъ противъ двучастнаго Креста заключается въ той мысли, что сей видъ Креста до времени патріарха Никона никогда не употреблялся въ православной церкви, и что лишь Никонъ ввелъ его въ употребленіе. Изъ этой мысли получаютъ уже всѣ нареканія на двучастный Крестъ, въ числѣ которыхъ разбираемое нами мнѣніе, что этотъ Крестъ есть „крыжъ латинскій“, занимаетъ не послѣднее мѣсто. Вотъ почему лучшее и наиболѣе убѣдительное опроверженіе этого послѣдняго ложнаго мнѣнія будетъ, конечно, заключаться въ томъ, чтобы послѣдовательно, — по возможности, столѣтіе за столѣтіемъ, — прослѣдить, какъ православная Церковь во всѣ времена, съ самага времени, когда еще жили святые Апостолы,

и до времени патріарха Никона, благоговѣйно почитала святой четвероконечный Крестъ, воздавая ему такое же поклоненіе, какъ и святому Кресту осьмиконечному.

Прежде чѣмъ приступать къ такому послѣдовательному историческому обзорѣню того, какъ святая Церковь всегда благоговѣйно чтила четвероконечный Крестъ, обратимся предварительно къ повѣствованію святыхъ Евангелистовъ и посмотримъ, видно ли изъ ихъ разсказа, что Крестъ Христовъ лишь съ той минуты сталъ именоваться Крестомъ Господнимъ, когда на немъ утверждено было титло и придѣлано было подножіе, или же и раньше сей минуты онъ уже назывался и, дѣйствительно, былъ истиннымъ Крестомъ Христовымъ? Прочитаемъ внимательно сперва повѣствованіе св. Евангелиста Матѳея. Вотъ что онъ пишетъ: *И пришедше на мѣсто, нарицаемое Голова, еже есть глаголемо краниево мѣсто, даша Ему пити оцетъ, съ желчію смѣшанъ, и вкушъ не хотѣше пити. Распennyи же Его раздѣлиша ризы Его верхне жребіа: и судяще стрѣжаху Его ту. И возложиша верху главы Его вину Его написану: сей есть Исусъ, Царь Іудейскій* (Мат. 27, зач. 113, ст. 33—37). Изъ этихъ словъ св. Евангелиста можно обстоятельно прослѣдить всѣ подробности распятія Христа Спасителя: прежде всего Господь приводится на гору Голгоѳу, гдѣ Его причистое тѣло пригвождается ко Кресту; затѣмъ Ему даютъ пить оцетъ съ желчію. Между тѣмъ враги Его бросаютъ жребій и дѣлятъ между собою ризы Господни. Только подъ конецъ всѣхъ этихъ дѣйствій, по словамъ Евангелиста, налагается на Крестъ „вина Его написана“, т.-е. титло съ надписью: „сей есть Исусъ, Царь Іудейскій“. И не одинъ только Евангелистъ Матѳей описалъ въ такомъ именно порядкѣ обстоятельства распятія Спасителя нашего, но и другіе три Евангелиста повѣствуютъ объ этомъ такъ же, какъ и св. Матѳей. (Мар. 15, зач. 68, ст. 22—26; Лук. 23, зач. 111, ст. 33—38; Іоан. 19, зач. 60, ст. 17—22). Обратимся къ разсказу

о распятіи Христовомъ у Евангелиста Іоанна. Вотъ его описаніе: *И нося крестъ Свой изыде на глаголемое лобное мѣсто, еже глаголется еврейски Голова: идѣже пропяша Его, и съ Нимъ ина два, сюду и сюду, посредѣ же Іисуса. Написа же и титла Пилатъ и положи на крестъ. Бѣ же написано: Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій. Сего же титла мнози чтоша отъ Іудей, яко близъ бѣ мѣсто града, идѣже пропяша Іисуса: и бѣ написано еврейски, гречески, римски. Глаголаху убо Пилату архіерее іудейстїи: не пиши: Царь Іудейскій, но яко самъ рече: царь есмь Іудейскій. Отвѣща Пилатъ, еже писахъ, писахъ* (Іоан. 19, зач. 60, ст. 17—22). Здѣсь еще подробнѣе описано, какъ происходило распятіе Господне при чемъ здѣсь та особенность предъ другими Евангелїями, что здѣсь сказано о Господѣ нашемъ Іисусѣ, Христѣ, что Онъ Самъ несъ Крестъ Свой: *и нося крестъ Свой*. Изъ этихъ словъ видно, что и до распятія и, слѣдовательно, до положенія на Крестъ титла Крестъ былъ уже Крестомъ Христовымъ, а не сѣнію его только, какъ думаютъ старообрядцы.

Итакъ, само св. Евангеліе ясно показываетъ намъ, что не только Крестъ осьмиконечный былъ истиннымъ Крестомъ Христовымъ, но и Крестъ до положенія на него титла былъ уже таковымъ. А такой Крестъ безъ титла былъ или шестиконечнымъ (въ томъ случаѣ, если подножіе было придѣлано къ нему еще до распятія Спасителя), или четвероконечнымъ (если подножіе было придѣлано къ нему только уже при распятіи Господнемъ). Однимъ словомъ, мысль, которую высказываютъ всѣ почти старообрядцы относительно Креста Господня, — будто только одинъ осьмиконечный Крестъ (т.-е. съ титломъ и подножіемъ) есть истинный Крестъ Христовъ, — эта мысль не имѣетъ за себя никакого основанія во святомъ Евангелїи.

Теперь посмотримъ, имѣетъ ли она какое-нибудь основаніе въ святоотеческихъ писанїяхъ и въ другихъ сви-

дѣтельствахъ церковной древности всѣхъ вѣковъ, начиная отъ Апостольскаго времени и кончая временемъ патріарха Никона. Для большей очевидности мы расположимъ всѣ многочисленныя свидѣтельства о Крестѣ Господнемъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они другъ за другомъ слѣдуютъ по времени. При этомъ мы будемъ при каждомъ свидѣтельствѣ свв. отцовъ и учителей Церкви излагать краткія свѣдѣнія о томъ, когда каждый изъ нихъ жилъ, равно какъ и свѣдѣнія о томъ сочиненіи, изъ котораго мы приводимъ выдержки.

I-е столѣтіе (вѣкъ святыхъ Апостоловъ).

Изъ этого столѣтія до насъ дошли два свидѣтельства о святости четвероконечнаго Креста: первое изъ этихъ свидѣтельствъ принадлежитъ единому отъ дванадцате Апостолъ, *св. Ап. Андрею Первозванному*, а второе — единому отъ семидесяте Апостолъ, *св. Ап. Варнавъ*.

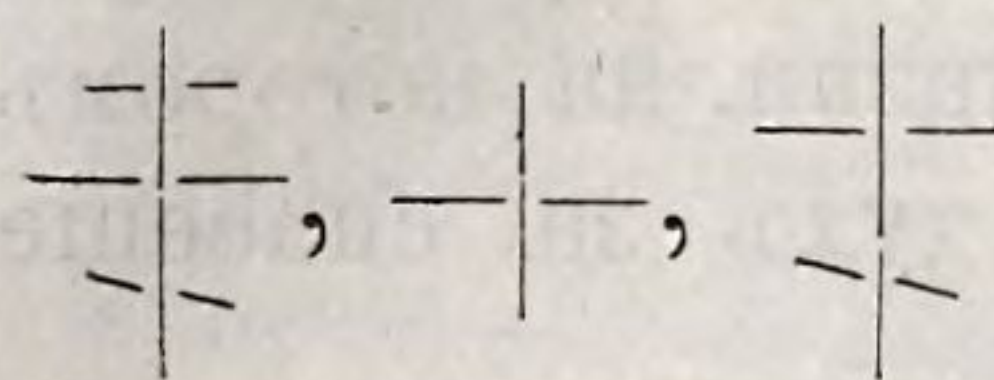
Свидѣтельство *св. Ап. Андрея* имѣетъ для насъ особенно важное значеніе, такъ какъ оно 1) относится ко времени жизни на землѣ самихъ Апостоловъ, и 2) принадлежитъ одному изъ 12 избранныхъ учениковъ Христовыхъ.

О страданіи св. Апостола Андрея сохранилось пространное посланіе пресвитеровъ и діаконівъ Церкви Ахайской, которые описали всѣ обстоятельства его славнаго подвига и кончины. Мы не будемъ излагать всего, что передаетъ намъ это посланіе; мы остановимся лишь на послѣднихъ дняхъ страданія св. Апостола. Послѣ темничнаго заключенія и многихъ мученій, которыя онъ претерпѣлъ отъ анѳипата Егеата, послѣдній присудилъ его, наконецъ, къ крестной смерти. По весьма древнему церковному преданію, Крестъ, уготованный для страданія св. Андрея, имѣлъ форму *четвероконечную* и по фигурѣ подобился буквѣ Х. Это преданіе издревле принято всею христіанскою Церковію, и поэтому на нашихъ древнихъ

и новыхъ православныхъ иконахъ св. Андрей, обыкновенно, изображается съ такимъ именно Крестомъ, который и извѣстенъ въ христіанскомъ мірѣ подъ именемъ *Андреевскаго*. Когда св. Апостоль приведенъ былъ на мѣсто казни и увидѣлъ уготованный ему Крестъ, онъ радостно воскликнулъ: „Радуйся, Кресте, *плотию Христовою освященный, и удесы Его якоже маргаритами украшенный. Прежде даже не бысть распятъ на тебѣ Господь*, страшенъ былъ еси человѣкомъ, нынѣ же любимый еси, и съ желаніемъ пріемлешися: вѣдять бо вѣрніи, коликое имаши внутри веселіе, и каково уготованное за тя воздаяніе. Гряду убо дерзновенно и съ радостію къ тебѣ, ты же съ веселіемъ пріими мя, ученикъ бо есмь Того, *иже на тебѣ повѣшенъ бысть*. Пріими мя: понеже любитель твой быхъ всегда и объяти тя жelahъ. О добрый Кресте! *Красоту и благолѣпіе отъ удесъ Господнихъ стяжавый*, издавна вожделѣнный, усердно любимый, егоже искахъ непрестанно, и едва обрѣтохъ тя уготованна уже по желанію сердца моего. Возми убо мя отъ людей, и отдаждь мя Учителю моему, да тобою мя пріиметь, *иже мя искупи тобою* *)“. Кто не умилился сердцемъ, читая сіи слова, которыя всецѣло проникнуты любовію ко Христу и желаніемъ пострадать за Него и соединиться съ Нимъ на вѣки? Кто не ощутитъ въ этой пламенной молитвѣ того духа любви, терпѣнія, святаго дерзновенія и твердаго упованія, который всегда жилъ и дѣйствовалъ въ Апостолахъ Христовыхъ, а впослѣдствіи и во всѣхъ святыхъ исповѣдникахъ и страдальцахъ за имя Христово? Словомъ, кто не узнаетъ по сей молитвѣ одного изъ Апостоловъ Спасителя нашего? Увидѣвъ то орудіе казни, которое имѣло вскорѣ соединить его на вѣки съ возлюбленнымъ Учителемъ, онъ исполняется двойною радостію: съ одной стороны, ему отрадно претерпѣть смерть на такомъ же орудіи казни, на которомъ и Господь былъ распятъ и испустилъ духъ за спасеніе

*) См. Четьи-Миней, 30 ноября.

міра; съ другой—мысль, что вскорѣ онъ узритъ Самого Господа и не будетъ болѣе разлучаться съ Нимъ, исполняетъ его еще большаго веселія. Эта двойная радость праведника, умирающаго о Господѣ, вполне выражается въ его чудной молитвѣ, обращенной ко Кресту: „радуйся, Кресте, *плотію Христовою освященный!*... О добрый Кресте, *красоту и благолѣпіе отъ удесъ Господнихъ стяжавый!*“—Такія слова слишкомъ выразительны, чтобы возможно было долѣе сомнѣваться, какое чувство вызываетъ ихъ изъ устъ Апостола Христова. Но просимъ глаголемыхъ старообрядцевъ замѣтить, при какомъ случаѣ произнесены сіи пламенные слова и къ какому Кресту обращены они: Апостолъ видитъ предъ собой не осьмиконечный Крестъ, съ титломъ и подножіемъ, но *Крестъ четвероконечный*, притомъ имѣющій не ту фигуру, какую, обыкновенно, имѣетъ сей Крестъ, но другую, — подобную буквѣ Х. Если бы св. Апостолъ раздѣлялъ мысль старообрядцевъ, будто лишь осьмиконечный Крестъ есть истинный Крестъ Господень, то могъ ли бы онъ сказать, взирая на Крестъ, подобный буквѣ Х: *Радуйся, Кресте, плотію Христовою освященный?* Не естественнѣе ли полагать, что въ такомъ случаѣ онъ скорѣе отворотился бы отъ приготовленнаго для него четвероконечнаго Креста, или уже во всякомъ случаѣ не привѣтствовалъ бы его съ такою радостію и въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ? А между тѣмъ мы не только не видимъ, чтобы онъ отворачивался отъ приготовленнаго ему четвероконечнаго Креста, но даже слышимъ, какъ онъ въ священной радости именуетъ сей Крестъ *освященнымъ плотію Христовою, стяжавшимъ благолѣпіе отъ удесъ Господнихъ*. Отсюда прямо слѣдуетъ, что св. Апостолъ почитаетъ видѣнный имъ Крестъ такимъ же истиннымъ Крестомъ Христовымъ, каковы Кресты:

, и другіе тому подобные. Чрезъ это

св. Апостолъ открыто обличаетъ глаголемыхъ старо-обрядцевъ за то, что они, оставивъ безъ вниманія духъ и внутреннее значеніе крестнаго таинства, привязались къ мертвой буквѣ и обращаютъ свои взоры не на распятаго на Крестѣ Господа, а на крестныя окончности. Дай Богъ, чтобы сіе обличеніе не осталось втунѣ, но принесло желаемый плодъ, смягчивъ окаменѣлыя сердца мнимыхъ ревнителей древняго благочестія и соединило ихъ снова съ церковію!

Обращаемся къ свидѣтельству св. Ап. Варнавы. Изъ книги Дѣяній свв. Апостоловъ извѣстно, что онъ много потрудился вмѣстѣ съ св. Ап. Павломъ въ дѣлѣ проповѣдыванія Евангелія. А древнее преданіе говоритъ, что онъ побитъ былъ камнями на островѣ Кипрѣ. Память его Церковь совершаетъ 11 іюня (вмѣстѣ съ св. Ап. Варѳоломеемъ) и 4 января (вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ свв. 70 Апостоловъ). Апостольскій мужъ, св. Апостолъ Варнава оставилъ намъ *посланіе*, которое еще въ древней Церкви особенно уважалось. Въ немъ Апостолъ объясняетъ законы и обряды ветхозавѣтной религіи въ приложеніи къ новому завѣту. Вотъ, что пишетъ онъ, между прочимъ въ 9-й главѣ этого посланія:

„Авраамъ, который первый принялъ обрѣзаніе, провидя духомъ Іисуса, обрѣзалъ домашнихъ своихъ, пользуясь ученіемъ трехъ буквъ. Ибо сказано: обрѣзалъ Авраамъ изъ дома своего десять и восемь и триста мужей (Быт. 17, 27; 14, 14). Какое же показано въ семъ вѣдѣніе? Замѣть, во-первыхъ, *десять* и *восемь*, потомъ *триста*. *Десять* и *восемь* выражаются: *десять* — І, *восемь* — Н. Вотъ имѣешь Іисуса (ΙΗΣΟΥ). Поелику же крестъ въ видѣ буквы Т долженствовалъ заключать собою благодать (искупленія), то сказано: *триста*. Слѣдовательно, двѣ буквы означаютъ Іисуса, а въ третьей видимъ крестъ“.

Въ этихъ словахъ св. Апостолъ Варнава толкуетъ два мѣста изъ книги Бытія: первое (17, 27) — объ обрѣзаніи

всѣхъ рабовъ Авраамовыхъ, а второе — о числѣ этихъ рабовъ (318 или по словамъ св. Варнавы: „десять и восемь и триста мужей“), когда они поразили царя Содомскаго (Быт. 14, 14—15). Для насъ въ данномъ случаѣ важно остановить вниманіе глаголемыхъ старообрядцевъ собственно на томъ, какъ объясняетъ св. Ап. Варнава число *триста*, потому что въ этомъ именно числѣ онъ видитъ указаніе на Крестъ Христовъ. Извѣстно, что и по-гречески, и по-славянски числу *триста* соотвѣтствуетъ въ азбукѣ, какъ греческой, такъ и славянской, буква Т: на этомъ основаніи сближеніе указаннаго числа съ этой буквой, какое находимъ мы въ приведенной выдержкѣ изъ посланія св. Варнавы, вполне понятно. Но какъ понять то, что въ буквѣ Т (которая называется въ греческой азбукѣ *тавъ*) св. Апостоль видитъ указаніе на Крестъ Господень? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ блаженнаго Іеронима (учителя Церкви конца 4-го и первой четверти 5-го столѣтія): „Въ древнихъ еврейскихъ буквахъ, которые донынѣ (т.-е. до времени блаж. Іеронима) употребляются у самарянъ, послѣдняя — *тавъ* имѣетъ подобіе креста, изображаемаго на челахъ христіанъ (Толкованіе на прор. Іезекіиля, на гл. 9-ю)“. Эти слова блаж. Іеронима вполне оправдываются новѣйшими изыскателями древности. Древне-самарянская и древне-еврейская буква *тавъ*, она же и древне-финикійская, перешедшая отъ финикіанъ къ грекамъ, дѣйствительно, походила на *четверо-конечный Крестъ* и изображалась такъ: $+$, $\times$, $+$. Самое еврейское слово *тавъ* означаетъ собственно, крестъ или крестообразный знакъ*). Подобно сему и у древнихъ египтянъ буква *тавъ* писалась такъ: $+$ **). Изъ та-

*) Евальдъ, еврейская грамматика, на нѣмецкомъ яз., изданіе 1827 г., стр. 18.

**) См. статью въ *Твореніи свв. отецъ*, 1843 г., кн. 3-й: *Свидѣтельство временъ Апостольскихъ о томъ, какъ должно писать имя Іисусъ и изображать Крестъ Христовъ*.

кого тѣснаго сродства въ начертаніи древне-самарянской, древне-еврейской, древне-финикійской и древне-египетской буквы *тавъ* съ изображеніемъ четвероконечнаго Креста легко объяснить, почему св. Ап. Варнава и въ греческой буквѣ *тавъ* видитъ указаніе на Крестъ: эта буква перешла въ греческую азбуку изъ древне-финикійской азбуки и хотя при этомъ переходѣ и измѣнила нѣсколько свое начертаніе (такъ-какъ, вмѣсто $+$, $\times$ и $\dagger$ получила такой видъ: Γ), однако все-таки сохранила въ себѣ очень близкое сходство съ *четвероконечнымъ* Крестомъ. Вотъ основаніе, почему св. Ап. Варнава и видитъ въ греческой буквѣ Γ (изображающей число *триста*) таинственное указаніе на Крестъ. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что св. Варнава говоритъ не объ иномъ Крестѣ, какъ именно о *четвероконечномъ*. Теперь обратимъ особенное вниманіе старообрядцевъ на то, что именно говоритъ св. Апостолъ объ этомъ Крестѣ. Вотъ его слова: „...*Крестъ въ видѣ буквы Γ долженствовалъ заключать собою благодать (искупленіе)*“... Здѣсь нельзя видѣть у св. Апостола той мысли, будто Крестъ въ видѣ буквы Γ , т.-е. четвероконечный, есть только сѣнь Креста Христова: если, по его словамъ, „Крестъ въ видѣ буквы Γ долженствовалъ заключать собою благодать (искупленіе)“, то ясно, что указанный Крестъ не можетъ быть сѣнію Креста Христова, поелику, по словамъ догматика 2-го гласа: *прейде сѣнь законная, благодати пришедши*, слѣд. — то, что уже *прейде*, никакъ не можетъ *заклучать* или *завершать* собою то, что и доселѣ пребываетъ, то-есть *благодать искупленія*. Итакъ, по смыслу подлинныхъ словъ св. Апостола Варнавы, четвероконечный Крестъ есть истинный Крестъ Христовъ, а если такъ, то, слѣдовательно, ему слѣдуетъ воздавать равное почитаніе съ Крестомъ осмиконечнымъ.

Къ тому же первому вѣку относится свидѣтельство, что св. Апостольскіе мужи св. Крестъ четвероконечный почитали за истинный Крестъ Господень. Св. Климентъ

папа Римскій, ученикъ св. Апостола Петра, отъ Нерона кесаря Римскаго на заточеніе въ Понтъ на мѣсто близъ Херсонеса посланъ бысть, гдѣ обрѣте христіанъ болѣе двухъ тысячъ, осужденныхъ на тесаніе каменія въ горахъ оныхъ (о чемъ зри въ житіи его, Минея-Четія, ноября 25 дня). На этомъ мѣстѣ въ Инкерманскихъ высокихъ горахъ изсѣчена пещерная церковь, по преданію самимъ св. Климентомъ. Въ сей церкви, тамъ гдѣ св. алтарь, надъ горнимъ мѣстомъ вверху высѣчена впадина въ родѣ купола и въ ней выпукло изображенъ четырехконечный Крестъ во всю почти величину того купола, около полутора аршина. Мѣсто, на которомъ изсѣченъ св. Крестъ четвероконечный, — явственно доказываетъ, что онъ изсѣченъ былъ св. Климентомъ на поклоненіе (смотри Собран. соч. арх. Павла, томъ 3-й, стр. 128).

II-е столѣтіе.

Къ этому столѣтію относятся слѣдующія свидѣтельства о Крестѣ: изъ сочиненій св. *Іустина мученика, Минувія Феликса и св. Иринея Ліонскаго*.

Св. *Іустинъ*, философъ и мученикъ, обращенный ко Христу однимъ христіанскимъ старцемъ, сдѣлался изъ языческаго искателя мудрости христіанскимъ философомъ и основалъ философскую школу въ Римѣ, гдѣ и пострадалъ около 166 года, въ царствованіе римскаго императора Марка Аврелія. Память св. *Іустина* 1 іюня. Изъ твореній его мы укажемъ на первую его *Апологию* или защитительное посланіе, поданное св. философомъ императору Антонину, въ защиту христіанъ противъ нападокъ на нихъ со стороны язычниковъ.

Вотъ, что мы находимъ въ 60-й главѣ этого творенія:
„То, что у Платона въ *Тимеѣ*“, пишетъ св. *Іустинъ*, „говорится о Сынѣ Божіемъ по отношенію къ Его природѣ, когда говорится, что Онъ (Богъ) помѣстилъ Его во все-

ленной на подобіе буквы Х, онъ заимствовалъ у Моисея. Ибо въ Моисеевыхъ писаніяхъ сказано, что въ то время, какъ израильтяне вышли изъ Египта и были въ пустынь, напали на нихъ ядовитыя животныя, ехидны и аспиды и всякій родъ змѣй, и истребляли народъ. И Моисей, по вдохновенію и дѣйствию Божію, взялъ мѣдь и сдѣлалъ образъ Креста, и поставилъ его во святой скиніи, и сказалъ народу: если вы посмотрите на этотъ образъ и увѣруете, вы спасетесь чрезъ него (Чис. 21, 8 и далѣе; сличи Іоан. 3, 14). Вслѣдствіе того, змѣи, какъ написалъ Моисей, стали умирать, а народъ чрезъ такое средство избѣжалъ смерти. Платонъ прочиталъ это, и не зная точно и не сообразивши, что то былъ образъ Креста, а видя только фигуру буквы Х, сказалъ, что сила, ближайшая къ первому Богу, была во вселенной на подобіе буквы Х^а.

Въ этой выдержкѣ св. Іустинъ говоритъ о греческомъ языческомъ философѣ Платонѣ, жившемъ лѣтъ за 300 до Р. Х. — „Тимей“ — это одно изъ лучшихъ твореній этого философа; въ этомъ сочиненіи онъ излагаетъ свои воззрѣнія на происхожденіе и сущность міра, объясняетъ природу и ея законы. Мнѣнія и взгляды Платона на природу и человѣка не всегда справедливы и заключаютъ въ себѣ часто самыя грубыя заблужденія; но, съ другой стороны, у него есть и весьма свѣтлыя мысли, близкія къ истинѣ; таково, напр., его понятіе о Сынѣ и Словѣ Божіемъ, чрезъ Котораго Богъ сотворилъ міръ. Вотъ, что говоритъ о Немъ Платонъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій: „Пребожественное Слово устроило и сдѣлало видимою сію вселенную. Всякій, кто наслаждается блаженствомъ, прежде всего созерцаетъ это Слово, а послѣ сего пламенѣетъ желаніемъ узнать все, что доступно познанію смертнаго человѣка (О законахъ, кн. 11-я, томъ II-й)“. Въ этихъ словахъ особенно видна близость Платона къ христіанскому ученію о Сынѣ Божіемъ, *Имже вся быша, яже на небеси и яже на земли, видимая и не-*

видимая (см. Символь вѣры и Кол. 1, 16). Св. Іустинъ указываетъ на эту близость, причемъ обращаетъ вниманіе на ученіе Платона о буквѣ Х во всей природѣ; эта буква имѣетъ крестообразную фигуру и показываетъ, по мнѣнію св. Іустина, что Платонъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о Крестѣ Христовомъ и заимствовалъ это понятіе у Моисея, — изъ повѣствованія его о мѣдномъ змѣѣ (Чис. 21, 8 и дал.). Мнѣніе св. Іустина тѣмъ болѣе имѣетъ для насъ силу, что сей отецъ Церкви самъ въ юности былъ одно время послѣдователемъ Платона и, слѣдовательно, хорошо зналъ всѣ подробности его ученія. Для старообрядцевъ и для насъ слова св. Іустина имѣютъ то значеніе, что св. отецъ потому именно и сближаетъ Платонову букву Х съ Крестомъ Христовымъ, который прообразованъ былъ мѣднымъ змѣемъ на древѣ, что Крестъ Христовъ представляетъ въ существѣ своемъ *четверо-конечную* фигуру. На это, пожалуй, старообрядцы скажутъ намъ: *четвероконачный* Крестъ, явленный въ томъ древѣ, на которое вознесенъ былъ мѣдный змѣй, есть лишь сѣнь или образъ Креста осьмиконачнаго; слѣд., и самое сближеніе Платоновой буквы Х и крестной формы, явленной въ вознесеніи на древо змѣя, основано не на той мысли, что существенная и основная фигура Креста Христова есть *четвероконачная*, но лишь на той, что эта фигура есть ветхозавѣтное проображеніе фигуры осьмиконачной. Въ обличеніе такого возраженія, мы укажемъ нашимъ противникамъ на одно дѣйствіе, которое издревле принято и узаконено св. Церковію и не только принимается и уважается старообрядцами наравнѣ съ чадами православной греко-россійской Церкви, но и тѣми христіанами, которые принадлежатъ къ западной, латинской церкви. Это дѣйствіе есть крестное знаменіе, которымъ всѣ мы ограждаемъ себя, и которое употребляется во всѣхъ случаяхъ, когда св. Церковь желаетъ преподать освященіе и сообщить осѣняемому лицу или предмету благословеніе Божіе. Но какъ изображается при

этомъ спасительное знаменіе Креста? Пусть отвѣтятъ намъ сами старообрядцы: такъ ли, что рука со сложенными перстами прикасается къ тѣлу или предмету въ осьми мѣстахъ, изображая по порядку сперва прямое древо Креста, затѣмъ поперечное, далѣе — титло и, наконецъ, — подножіе? Или же такъ, что осѣняющая рука ясно образуетъ Крестъ *четвероконачный*, попеременно останавливаясь въ *четырехъ* точкахъ, ясно обозначающихъ собою крестообразно пересѣкающія другъ друга линіи? Конечно, старообрядцы отвѣтятъ утвердительно лишь на этотъ послѣдній вопросъ, такъ какъ и они осѣняютъ себя Крестомъ *двусоставнымъ* (четвероконачнымъ), а не четверочастнымъ (осьмиконечнымъ). Но здѣсь является съ ихъ стороны новая уловка: не видя возможности отрицать того, что и они осѣняются Крестомъ двусоставнымъ, они говорятъ, что въ крестномъ знаменіи сей двусоставный Крестъ есть лишь сѣнь Креста четверочастнаго, и, *изображая рукою двусоставный Крестъ, нужно де имѣть въ мысли четверочастный Крестъ, ибо лишь при этомъ де условіи* крестное знаменіе получаетъ освятительное дѣйствіе. Такъ именно понимаетъ значеніе крестнаго знаменія, напримѣръ, писатель „Меча Духовнаго“, когда говоритъ, что, хотя въ Церкви россійской внѣшній видъ сего знаменія и осѣненія и одинаковъ съ образомъ осѣненія у старообрядцевъ (кромѣ сложенія перстовъ), однако въ россійской Церкви сіе осѣненіе уже не можетъ де сообщить осѣняемому предмету силы освященія, поелику архіереи и священники этой церкви не имѣютъ де въ мысли четверочастнаго Креста, но лишь Крестъ двучастный*).

На чемъ основана такая смѣлая мысль о недѣйствительности крестнаго знаменія, совершаемаго православными архіереями и священниками, писатель „Меча Духовнаго“ не показываетъ. Правда, онъ старается доказать ее ссылкой на слѣдующія слова св. Златоуста:

*) См. *Мечъ Духовный*, II-го предѣла глава 22-я.

„Крестъ есть видомъ двоякій, овъ убо изъ вещества, или злата, или маргаритовъ, или каменей честныхъ, овъ же (Креста видъ) невещественный, ибо не изъ вещества ꙗвстася его, но отъ вѣры существо, отъ залога, творящаго и вещество (Маргарить, слово въ 3 нед. вел. поста, о Крестѣ)“. Однако изъ этихъ словъ св. отца мы, при безпристрастномъ ихъ разборѣ, никакимъ образомъ не можемъ вывести мысль, будто крестное знаменіе лишь тогда имѣетъ дѣйствительную силу, когда тотъ, кто его совершаетъ, имѣетъ въ умѣ представленіе о Крестѣ четверочастномъ: св. Іоаннъ Златоустъ указываетъ только на то, что подъ словомъ и понятіемъ *Крестъ* мы вообще разумѣемъ два рода крестныхъ изображеній, — одинъ изъ древа, злата, камня и др. веществъ, другой — невещественный, который мы полагаемъ на себѣ рукою: вотъ весь смыслъ словъ св. Златоуста, — болѣе же мы не можемъ ничего выводить изъ нихъ. Спросимъ, однако, старообрядцевъ: на чемъ основана мысль, что пастыри россійской Церкви имѣютъ въ умѣ такой, а не иной видъ Креста, когда благословляютъ? Если они выводятъ эту мысль изъ употребленія въ россійской Церкви двусоставнаго Креста, напр., на просфорахъ, то зачѣмъ же забываютъ они, что и четверочастный Крестъ благоговѣнно почитается сею же Церковію? Притомъ *наши святители и іереи, знаменуя Крестомъ при благословеніяхъ и при священнодѣйствіи, вовсе и не имѣютъ въ мысли ни четвероконечной, ни осьмиконечной формы, но единого Спасителя нашего и Его Божественную силу, которая все освящаетъ*. Далѣе, откуда заключаютъ наши противники, будто самое благословеніе россійскихъ архіереевъ и священниковъ не дѣйствительно? Неужели лишь изъ того предположенія, что эти архіереи и священники при благословеніи имѣютъ въ умѣ двусоставный, а не четверочастный Крестъ? Но если такъ мало имѣетъ значенія двусоставный Крестъ, то почему же, однако, старообрядцы изображаютъ его рукою? Если двусоставный Крестъ есть

не болѣе, какъ ветхозавѣтная сѣнь Креста Христова въ новомъ завѣтѣ, то какое же значеніе имѣетъ сія сѣнь теперь, когда ветхій завѣтъ упраздненъ и новый стоитъ на его мѣстѣ? Вѣдь, теперь время, когда среди вѣрующихъ, т.-е. въ Церкви, живетъ и дѣйствуетъ благодать Христова, и поэтому теперь *прейде сѣнь законная*, т.-е. ветхозавѣтная, *благодати пришедши*; слѣдовательно, и двусоставнаго Креста нельзя было бы болѣе употреблять, ибо онъ, по ученію старообрядцевъ, только сѣнь истиннаго Креста Христова; а между тѣмъ они же употребляютъ его при крестномъ знаменіи. Къ чему теперь сѣнь, когда явилось то, на что сія сѣнь предъуказывала?... Вотъ къ какому непримиримому противорѣчію должны прійти наши ревнители старыхъ обрядовъ, слѣдуя своимъ обычнымъ мыслямъ о Крестѣ двусоставномъ. Итакъ, крестное знаменіе можетъ и должно служить лучшимъ и сильнѣйшимъ доказательствомъ для старообрядцевъ той истины, что Крестъ двусоставный достоинъ равнаго поклоненія и почитанія съ Крестомъ четырехсоставнымъ, какъ о томъ и дѣломъ и словомъ учитъ православная Церковь. Слѣдовательно, и приведенныя нами слова св. Іустина нельзя относить лишь къ сѣни Креста Христова, но слѣдуетъ относить и къ самому Кресту Христову, къ его четырехконечной фигурѣ.

Въ той же защитительной рѣчи или Апологіи св. Іустина мученика, въ 55-й главѣ, написано слѣдующее:

„Крестъ, какъ предсказалъ пророкъ, есть величайшій символъ силы и власти Христовой, какъ это видно изъ предметовъ, подлежащихъ нашему наблюденію. Ибо разсмотрите всѣ вещи въ мірѣ, — устрояется ли что безъ этой формы, и можетъ ли быть безъ нея взаимная связь? По морю нельзя плавать, если на корабль не цѣль тотъ трофей, который называется парусомъ; земли нельзя орать безъ формы крестообразной; копающіе землю, равно какъ и ремесленники, не иначе производятъ свою работу, какъ посредствомъ орудій, имѣющихъ эту форму.

И наружный видъ человѣка отличается отъ вида животныхъ неразумныхъ только тѣмъ, что онъ прямъ и имѣетъ возможность протягивать свои руки, — и на своемъ лицѣ имѣетъ простирающійся отъ лба такъ называемый носъ, посредствомъ котораго совершается у живаго существа дыханіе, и который не другое что представляетъ, какъ фигуру Креста. Объ этомъ сказано пророкомъ такъ: „дыханіе предъ лицемъ нашимъ Христосъ Господь (Плачъ, 4, 20)“. И ваши символы представляютъ силу крестообразной формы. Я разумѣю знамена и трофеи, съ которыми повсюду вы совершаете свои торжественныя шествія, являя въ нихъ знаки вашей власти и силы, хотя вы дѣлаете это, сами не помышляя о томъ“.

Нѣчто подобное говорить и извѣстный защитникъ христіанства, *Минуцій Феликсъ*, умершій въ 210 г. и оставившій намъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Октавій“; это сочиненіе написано въ формѣ бесѣды между язычникомъ Цециліемъ и христіаниномъ Октавіемъ.

Вотъ что читаемъ мы въ 29-й главѣ этого сочиненія: „Естественный образъ Креста мы видимъ въ кораблѣ, когда онъ приводится въ движеніе распущенными парусами и плыветъ съ протянутыми веслами; и когда вы прикрѣпляете упряжь (*jugum*), то и тогда является образъ Креста, а также и въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, протянувши руки, отъ чистаго сердца возноситъ молитвы къ Богу. Итакъ, изображеніе Креста выражается и въ природѣ, и составляетъ основаніе вашего богопочтенія“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ св. Іустинъ и Минуцій Феликсъ оба прибѣгаютъ къ одному и тому же способу доказательства истинности Креста Христова: они обращаются къ видимой природѣ и указываютъ язычникамъ на то, какъ во всѣхъ ея предметахъ и явленіяхъ, а также въ дѣлахъ рукъ человѣческихъ, въ основаніи является фигура Креста, хотя язычники и не замѣчаютъ этого. Обращаясь къ кораблю, защитники христіанства останавливаются на его парусахъ. Глаголемые старообрядцы,

конечно, знаютъ, что парусомъ называется тотъ кусокъ холста, который прикрѣпляется къ мачтѣ корабля. Для того, чтобы парусъ могъ держаться на мачтѣ, къ этой послѣдней присоединяется сначала поперечная балка или перекладина, и на ней-то уже навѣшивается парусъ. Мачта, соединяясь съ этою поперечною балкою, ясно являетъ образъ четвероконечнаго Креста. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на барки и такъ называемыя *росшивы*, которыя плаваютъ по нашимъ судоходнымъ рѣкамъ. Подобнымъ образомъ устраивались и римскія мачты съ парусами, о которыхъ говорятъ св. Іустинъ и Минуцій: среди судна возвышалась большая мачта, называвшаяся у римлянъ *malus*, а у грековъ *ἰστός*; къ ней прикрѣплялась поперечная балка, носившая названіе *antenna*, а по-гречески *χεραία*; на поперечной же балкѣ навѣшивался посредствомъ колецъ и канатовъ кусокъ холста или парусъ (*velum*, *ἰστίον*). Такимъ образомъ и въ древне-римскомъ и въ древне-греческомъ кораблѣ мачта (*malus*, *ἰστός*), соединяясь съ поперечной балкой (*antenna*, *χεραία*), представляла видъ Креста четвероконечнаго.— Отъ корабля св. Іустинъ переходитъ къ земледѣльческимъ орудіямъ и въ нихъ также находитъ Крестъ. *Земли нельзя орать безъ формы крестообразной* — здѣсь указаніе на устройство у римлянъ плуга для воздѣлыванія полей. Римскій плугъ по своему устройству немногимъ отличался отъ нашего плуга. Главное отличіе его отъ нашего заключалось въ томъ, что впереди, поперекъ дышла, прикрѣплялась особаго рода перекладина, носившая названіе *иа* (*jugum*), такъ какъ налагалась на спины быковъ, впрягавшихся въ плугъ. Такого рода упряжь употреблялась не только въ плугахъ, но и вообще въ римскихъ колесницахъ, повозкахъ и другихъ экипажахъ. Соединеніе дышла съ поперечнымъ *иомъ* представляло опять-таки видъ четвероконечнаго Креста. На это указываетъ и Минуцій, когда говоритъ: „когда вы прикрѣпите упряжь, то и тогда является образъ Креста“.

Копающіе землю, равно какъ и ремесленники, не иначе производятъ свою работу, какъ посредствомъ орудій, имѣющихъ эту форму, — это выраженіе св. Іустина указываетъ на древне-римскіе садовые инструменты, а также на орудія различныхъ ремесленниковъ, какъ, напримѣръ, ваятелей, рѣзчиковъ и др. Къ садовымъ инструментамъ принадлежали такіе же, какъ и у насъ, заступы, лопаты и др., у которыхъ рукоятка устраивалась, обыкновенно, въ видѣ четвероконечнаго Креста. То же слѣдуетъ замѣтить и объ инструментахъ, которыми пользовались ремесленники: это были или рѣзцы или наши долота, рукоятки коихъ имѣли чаще всего крестообразный видъ. — Затѣмъ и св. Іустинъ и Минуцій Феликсъ обращаются къ человѣку и видятъ въ немъ естественный образъ Креста. Образъ сей прежде всего открывается въ положеніи прямо стоящаго человѣка съ распростертыми руками. Такое положеніе изъ глубокой древности всегда служило лучшимъ выраженіемъ во внѣ тѣхъ молитвенныхъ чувствъ, которыя наполняли душу человѣческую при обращеніи ея къ Богу. Даже у язычниковъ, не вѣдавшихъ истиннаго Бога, былъ обычай простирать руки къ небу во время молитвы. И у насъ архіереи и іереи воздѣваютъ руки горѣ во время нѣкоторыхъ тайныхъ молитвъ при Божественной литургіи. Однако, судя по тому, что св. Іустинъ и Минуцій видятъ въ воздѣяніи рукъ образъ Креста Христова, можно полагать, что въ древности молитвенное воздѣяніе рукъ не совсѣмъ походило на то, какъ совершается то воздѣяніе у насъ теперь: вѣроятно, прежде при воздѣяніи обращали руки не столько наверхъ, сколько въ стороны, чрезъ что фигура молящагося человѣка, дѣйствительно, получала крестный видъ. Остатки вниманіе, собственно, на человѣческомъ лицѣ, св. Іустинъ и здѣсь усматриваетъ изображеніе четвероконечнаго Креста: „и на своемъ лицѣ“, говоритъ онъ, „человѣкъ имѣетъ такъ называемый носъ, который не другое что представляетъ, какъ фигуру Креста“. Дѣй-

ствительно, если бросимъ взглядъ на человѣческое лицо спереди, то въ устройствѣ носа можно замѣтить близкое подобіе крестной фигуры: носовая кость, простирающаяся отъ лба по направленію ко рту, представляетъ какъ бы прямое древо Креста, нижняя же часть носа, именно — гдѣ находятся ноздри, заключаетъ въ себѣ нѣкоторое подобіе древа поперечнаго. Впрочемъ, это видно съ полною ясностію только на тѣхъ людяхъ, коихъ черты лица отличаются особенною тонкостію и правильностію. — Наконецъ, св. Іустинъ указываетъ язычникамъ на ихъ же собственные военные знаки и трофеи, въ которыхъ также онъ видитъ образъ четвероконечнаго Креста. Римскіе военные знаки состояли изъ довольно длиннаго шеста, къ верхней части котораго прикрѣплялась поперекъ широкая дощечка съ слѣдующими четырьмя буквами: SPQR, что означало: „Сенатъ и народъ римскій (Senatus populusque Romanus)“. Шестъ съ этою поперечною дощечкою, дѣйствительно, напоминалъ фигуру четырехконечнаго Креста.

Все, что св. Іустинъ мученикъ и Минуцій Феликсъ говорятъ о Крестѣ, и на что мы указали нашимъ читателямъ, — все это ясно свидѣтельствуешь о томъ, что во 2-мъ столѣтіи послѣ Р. Хр., какъ и въ первомъ христіане благоговѣнно почитали святой Крестъ четвероконечный и считали его истиннымъ Крестомъ Христовымъ: иначе не было бы никакого смысла указывать язычникамъ на повсемѣстность четвероконечной крестной фигуры въ природѣ и во многихъ предметахъ, употребляемыхъ язычниками въ ихъ ежедневной жизни. Желая защитить предъ врагами ученія Христова то почитаніе, какое христіане воздають святому и животворящему Кресту Господню, защитники вѣры христіанской по этой самой причинѣ и указывали язычникамъ, что и сами они невольно вездѣ изображаютъ сей святой Крестъ, хотя и не обращаютъ на это вниманіе.

Переходимъ къ свидѣтельству о святости и достопокла-

няемости св. четвероконечнаго Креста *святаго Иринея, епископа Лионскаго*, который жилъ въ томъ же вѣкѣ, какъ и св. Іустинъ, и Минуцій, и скончался мученически въ 202 году. Онъ былъ ученикомъ св. Поликарпа, епископа Смирнскаго, который, въ свою очередь, былъ непосредственнымъ ученикомъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Память св. Иринея Церковь совершаетъ 23 августа. — Вотъ, что говоритъ этотъ св. отецъ въ 17-й главѣ V-й книги своего знаменитаго творенія „Противъ ересей“:

„Іеремія говоритъ: *слово Господне яко млатъ, соотрыющій камень* (23, 29). Крестный образъ открылъ намъ сіе слово Господне, сокрытое отъ насъ... Поелику мы потеряли сіе слово черезъ древо, то древо снова открыло его всѣмъ намъ, указавъ (намъ) на высоту, долготу и широту и, какъ сказалъ одинъ древній учитель, *собирая два народа къ единому Богу посредствомъ распростертыхъ рукъ; а двѣ руки потому, что и два народа разстѣяны до предѣловъ земли; а единая глава въ срединѣ, ибо единъ Богъ надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ*“.

Въ этихъ словахъ св. священномученика Иринея особенно важно для насъ и для старообрядцевъ слѣдующее мѣсто: „Христосъ, *какъ сказалъ одинъ древній учитель, собралъ два народа къ единому Богу посредствомъ распростертыхъ рукъ; а двѣ руки, потому что и два народа разстѣяны до предѣловъ земли, а единая глава въ срединѣ, ибо единъ Богъ надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ*“. Св. отецъ говоритъ здѣсь о таинственномъ значеніи крестнаго древа, на которомъ распятъ былъ Господь и которымъ разрушена клятва, лежавшая на людяхъ со времени внушенія запрещеннаго плода отъ райскаго древа. Онъ усматриваетъ таинство Креста въ самой пречистой плоти Христовой, которая пригвождена была ко Кресту. „Посмотрите“, какъ бы такъ говоритъ онъ: „вотъ, Самъ Спаситель нашъ благоизволилъ изобразить въ Себѣ Самомъ ту таинственную фигуру Креста,

которая издревле являлась всегда знаменіемъ великой силы Божіей и производила чудеса и знаменія: ею Моисей побѣдилъ въ пустынь Амалика, ею Іона спасся изъ чрева китова, она же заградила во рвѣ уста львовъ и избавила отъ смерти Даниїла. Посмотрите, и нынѣ предъ вами Сынъ Божій распростеръ Свой пречистыя руки, являя въ Себѣ образъ крестный, которымъ Онъ побѣждаетъ діавола. Здѣсь великое таинство: Господь распростираетъ руки и чрезъ это призываетъ два народа — евреевъ и язычниковъ, къ познанію единого Бога. Поэтому и *два руки*, ибо два народа, *а глава между ними едина*, поелику и единый Богъ дѣйствуетъ во всѣхъ насъ, христіанахъ“.

Дѣйствительно, если обратимъ свои взоры на пречистую плоть Христову, висящую на Крестѣ, то безъ труда усмотримъ, что она имѣетъ фигуру *четвероконечнаго Креста*: глава Спасова — это крестная *высота*, распростертыя руки — это *длота* и *широта* Креста, а пречистыя ноги — это крестная *глубина* (Ср. Ефес. 3, 16—19). Итакъ вотъ свидѣтельство весьма древнее о древнѣйшемъ изображеніи Креста Господа и Спасителя нашего, тѣмъ болѣе древнее, что, по словамъ самого св. Иринея, оно принадлежитъ не ему, Иринею, по *нѣкоему древнему учителю*: „какъ сказалъ одинъ древній учитель“, замѣчаетъ св. отецъ. Кто же сей учитель, какъ не ученикъ Апостольскій или даже самъ Апостоль Христовъ, свидѣтельство котораго весьма легко могло дойти до св. Иринея, который, какъ мы выше сказали, самъ былъ ученикомъ св. Поликарпа, и сей послѣдній — ученикомъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова? Вотъ, слѣдовательно, изъ какого чистаго источника идетъ сіе древнѣйшее свидѣтельство о святости *четвероконечнаго Креста*, таинственно проявленнаго въ пречистой плоти Самого Господа нашего Іисуса Христа, распятаго на древѣ крестномъ!

III-е столѣтіе.

Изъ этого столѣтія мы имѣемъ свидѣтельства о святости и достопокланяемости четвероконечнаго Креста, принадлежащія одному св. отцу Церкви, *священномученику Кипріану Карѳагенскому*, и тремъ учителямъ Церкви: *Тертулліану, Клименту Александрійскому и Оригену*.

Св. Кипріанъ былъ сначала богатымъ язычникомъ и тогда еще славился своимъ краснорѣчіемъ. Къ вѣрѣ Христовой онъ обратился въ 246 г., а въ 248 г. былъ уже избранъ въ Карѳагенскіе епископы. Скончался мученически въ гоненіе Валеріаново, въ 258 г., оставивъ много сочиненій. Свидѣтельство о святости четвероконечнаго Креста мы находимъ у него въ его твореніи, озаглавленномъ: „Свидѣтельства противъ іудеевъ“. Это — родъ краткаго начертанія вѣры и дѣятельности христіанской, направленнаго противъ іудеевъ. Св. Церковь совершаетъ память св. Кипріана 31 августа.

Въ 21-й главѣ II-й книги названнаго творенія священномученикъ Кипріанъ говоритъ слѣдующее:

„*Знаменіемъ Креста* и Амаликъ былъ побѣжденъ Іисусомъ чрезъ Моисея. Въ Исходѣ Моисей сказалъ Іисусу (гл. 17-я): *избери себѣ мужей и исшедъ ополчися на Амалика завтра. И се азъ стану на верху горы, и жезлъ Божій въ руцѣ моей* (ст. 9). И случилось, что, когда поднималъ Моисей руки, то Израиль одерживалъ верхъ; когда же опускалъ Моисей руки, то получалъ силу Амаликъ. Но руки Моисея уставали, и взявши камень, положили подъ него, и онъ сидѣлъ на немъ. И Ааронъ, и Оръ поддерживали руки его съ той и другой стороны, и руки Моисеевы укрѣпились до захода солнца, и Іисусъ обратилъ въ бѣгство Амалика и весь народъ его“.

Въ этихъ словахъ св. отецъ приводитъ на память своихъ противниковъ, іудеевъ, противъ которыхъ онъ писалъ, одинъ случай изъ времени пребыванія народа еврей-

скаго въ пустынѣ Синайской, именно: чудесную побѣду, которую одержалъ Іисусъ Навинъ надъ степнымъ народомъ Амаликитянами или Амаликомъ. Эта побѣда, по словамъ св. Кипріана, одержана была *знаменіемъ Креста*. Въ чемъ же проявилось сіе спасительное знаменіе? Въ томъ, что вождь народа Божія, св. пророкъ и Боговидецъ Моисей, во время битвы поднималъ горѣ свои руки. Этимъ таинственнымъ дѣйствіемъ онъ, по выраженію пѣсни церковной, *сѣннописалъ Крестъ* *), т.-е. прообразовалъ распятіе Спасителя нашего на Крестѣ. Глаголемые старообрядцы такъ же, какъ и мы, видятъ въ указанномъ дѣйствіи Моисея прообразъ Креста Христова. Все таки ихъ разумѣніе, какъ сего, такъ и всѣхъ другихъ ветхозавѣтныхъ прообразованій Креста Господня, не вполне правильно: они тѣмъ недугуютъ относительно разумѣнія этихъ прообразованій, что рѣзко раздѣляютъ образъ ветхозавѣтный отъ вещи, на которую указываетъ сей образъ, т.-е. отъ Креста Господня. По толкованію старообрядческихъ учителей, совершенно иное дѣло образъ или сѣнь Креста, и иное дѣло самый Крестъ: образъ или сѣнь являетъ де четвероконечную фигуру Креста, а самый Крестъ, предъуказываемый симъ образомъ, осьмиконеченъ. Не такъ понимаетъ прообразъ Креста Господня, проявленный въ воздвѣяніи рукъ Моисеевыхъ, св. Кипріанъ: онъ прямо и не обинуясь говоритъ, что побѣда Израиля надъ Амаликомъ одержана была *знаменіемъ Креста*. Не говоритъ онъ: образомъ или сѣнію Креста, но *знаменіемъ Креста*. Значитъ по мысли св. отца, *Крестъ единъ*, будь онъ четвероконечный или осьмиконечный, — *онъ единъ*, а потому и сила его едина, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ: въ ветхомъ эта сила проявлялась прообразовательно, а въ новомъ дѣйственно и существенно. Какъ неправильна мысль старообрядцевъ, что

*) Въ четвертокъ 4 седм. Вел. поста, на утрени, I трипѣснца, ст. 2—3.

только осьмиконечный Крестъ есть истинный Крестъ Христовъ, а четвероконечный не болѣе де, какъ лишь *сѣновный* Крестъ, — это видно и изъ того, что и теперь, въ новозавѣтной Церкви, какъ мы уже и выше сказали, вѣрующіе осѣniają себя крестнымъ знаменіемъ причемъ изображаютъ четвероконечный Крестъ, а также и благословеніе архіерейское и іерейское имѣетъ въ себѣ такой же видъ Креста.

Что касается учителя Церкви *Тертуліана*, пресвитера Карфагенскаго, который скончался около 211 года и извѣстенъ многими своими твореніями, написанными въ защиту христіанской вѣры противъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ, — то мы приведемъ три выдержки изъ его сочиненія противъ еретика Маркіона.

Вотъ первая (изъ книги III, главы 22-й):

„Предъизображая и назнаменовывая Христа страждущимъ, также и то, что праведники, Апостолы и всѣ вѣрные точно также будутъ страдать, (Духъ Божій) предсказалъ, что они запечатлѣны онымъ знакомъ, о которомъ говоритъ Іезекіиль: „Господь сказалъ мнѣ: пройди посрединѣ воротъ во Іерусалимъ и дай знакъ *тавъ* (Т) на челахъ мужей (Іезек. 9, 4)“. Ибо самая буква греческая *тавъ*, наше Т, имѣетъ видъ Креста.

Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о той же греческой буквѣ *тавъ* (Т), о которой говорилъ еще въ I столѣтіи св. Ап. Варнава, какъ объ имѣющей видъ Креста Господня. Разница между словами св. Варнавы и Тертуліана заключается только въ томъ, что первый, говоря о сей буквѣ, объяснялъ, какъ мы видѣли, два мѣста изъ кн. Бытія (14, 14—15 и 17, 27), а второй, ведя рѣчь о той же буквѣ, останавливается при этомъ на объясненіи другаго ветхозавѣтнаго мѣста именно: Іез. 9, 4. По нашему славянскому переводу Священнаго Писанія это пророческое мѣсто читается такъ: *И рече Господь къ нему* (т.-е. къ пророку): *Пройди средѣ града Іерусалима, и даждь знаменіе на лица мужей* и т. д.

Нашъ славянскій переводъ сдѣланъ съ греческаго, извѣстнаго подъ именемъ *перевода семидесяти толковниковъ*. Въ древней православной Церкви одно время многіе свв. отцы и учителя церковные въ своихъ твореніяхъ приводили мѣста изъ ветхаго завѣта не только по этому переводу, но и по другимъ, которые также въ то время употреблялись въ Церкви, хотя и рѣже, чѣмъ переводъ семидесяти толковниковъ. Вотъ, и въ приведенныхъ нами словахъ Тертулліана указанное мѣсто изъ книги пророка Іезекіиля (9, 4) приводится не по этому послѣднему переводу (греческому), а по переводу древле-италійскому, который извѣстенъ былъ подъ именемъ *Итала*; отсюда и та разница между 4-мъ стихомъ 9-й главы пророка Іезекіиля у Тертулліана и въ нашемъ славянскомъ переводѣ, именно: у насъ сказано: „и рече Господь къ нему“, а у Тертулліана: „ко мнѣ“; у насъ: „средѣ града Іерусалима“, а у него: „посрединѣ воротъ въ Іерусалимѣ“; наконецъ, у насъ сказано: „даждь знаменіе на лица мужей“, а у Тертулліана: „дай знакъ тавъ (Т) на челахъ мужей“. Конечно, для насъ и для глаголемыхъ старообрядцевъ важно въ данномъ случаѣ не то, какимъ именно переводомъ Св. Писаніе ветхаго завѣта пользовался этотъ знаменитый учитель Церкви III-го столѣтія, но лишь то, что и онъ, какъ и св. Ап. Варнава въ I-мъ столѣтіи, говоря о греческой буквѣ Т (тавъ), видѣли въ ней изображеніе Креста Господня. Выше, когда мы объясняли слова объ этой же буквѣ св. Варнавы, мы уже показали, какъ слѣдуетъ понимать это сходство ея съ Крестомъ Спасовымъ, и видѣли, что св. Апостоль разумѣлъ при семъ не иной видъ святаго Креста, какъ именно четвероконечный. Въ виду этого, не станемъ повторять сказаннаго, а попросимъ нашихъ читателей, для объясненія словъ Тертулліана о буквѣ Т и о святомъ Крестѣ, снова внимательно прочитать то, что мы уже сказали о сей буквѣ, когда разбирали слова св. Ап. Варнавы. Тогда они убѣдятся, что и Тертулліанъ, говоря о св. Крестѣ, имѣлъ

въ виду также *четвероконачный* Крестъ. А что сей именно самый Крестъ *четвероконачный* и онъ, какъ и св. Ап. Варнава, считалъ истиннымъ Крестомъ Христовымъ, это видно изъ того, что, ведя рѣчь о немъ, онъ въ то же время говоритъ о страданіяхъ Христовыхъ, а также и о страданіяхъ всѣхъ истинныхъ праведниковъ: отсюда ясно, что рѣчь идетъ не о сѣни или прообразѣ Креста, но о самомъ св. Крестѣ.

Второе и третіе мѣсто изъ сочиненія Тертуліанова противъ еретика Маркіона читаются такъ:

Кн. III, гл. 18: „Іосифъ благословляется въ слѣдующихъ словахъ: *первородный юнца доброта его, рози единорога рози его: ими языки избодетъ вкупѣ даже до края земли.* (Второз. 33, 17). Безъ сомнѣнія, здѣсь не указывается ни на однорогаго носорога, ни на двурогаго *минотавра* *), но изображается Христосъ, какъ (таинственный) телець въ двоякомъ смыслѣ: для однихъ какъ грозный Судія, для другихъ какъ милостивый Спаситель, рога котораго (т.-е. сего таинственного тельца) суть оконечности Креста. Ибо и въ поперечной перекладинѣ мачты корабля, которая составляетъ часть Креста, крайнія оконечности называются рогами, а средняя мачта — съ однимъ рогомъ. Этою силой Креста, съ сими (таинственными) рогами, Христосъ и нынѣ возбуждаетъ народы чрезъ вѣру, вознося ихъ отъ земли на небо, также и тогда (въ послѣдній день суда). Онъ посредствомъ суда приведетъ ихъ въ возбужденіе, свергая ихъ съ неба на землю“.

Тамъ же: „И Моисей почему именно лишь тогда молился, сидя съ распростертыми руками, когда Іисусъ (Навинъ) воевалъ противъ Амалика, между тѣмъ, какъ въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ онъ скорѣе бы долженъ былъ возбуждать къ молитвѣ (другихъ)...? Не потому ли, что тамъ, гдѣ ратоборствовало имя Господа Іисуса, имѣвшаго нѣкогда сразиться съ діаволомъ, было

*) *Минотавръ* — это баснословное животное съ туловищемъ быка и съ человѣческой головой.

необходимо употребить Крестъ, чрезъ который Господь Іисусъ имѣлъ одержать побѣду?“

Въ первой изъ выдержекъ учитель Церкви объясняетъ пророчество, изреченное Моисеемъ предъ своею кончиною о судьбѣ колѣна Іосифова, или, вѣрнѣе, колѣнъ Ефрема и Манассіи, сыновей Іосифа. Тертуліанъ прилагаетъ слова Моисеевы ко Кресту Господню, разумѣя подъ *рогами единорога* окончности крестнаго древа, а подъ юнцомъ или тельцомъ, носящимъ сіи рога, Самого Спасителя нашего. Но такое сближеніе ветхозавѣтныхъ пророческихъ образовъ съ новозавѣтнымъ таинствомъ Креста само-по-себѣ не даетъ еще понятія, какой именно видъ Креста разумѣетъ въ данномъ случаѣ Тертуліанъ, четвероконечный или осьмиконечный. Зато его дальнѣйшія слова вполне восполняютъ этотъ пробѣлъ: Тертуліанъ прибѣгаетъ къ тому же сравненію, съ которымъ мы уже встрѣчались у св. Іустина мученика и Минуція Феликса, во II-мъ столѣтіи: „и въ поперечной перекладинѣ мачты корабля“, говоритъ онъ, „которая (т.-е. перекладина) составляетъ часть Креста, крайніе окончности называются рогами, а средняя мачта — съ однимъ рогомъ“. Мы уже имѣли случай объяснить, какимъ образомъ на древнеримскихъ и древне-греческихъ корабляхъ прямая мачта (*malus, ἰστός*), соединяясь съ поперечной перекладиной (*antenna, κεραία*), являла фигуру *Креста четвероконечнаго*. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ слова Тертуліана прямо нужно относить къ сему же Кресту, а не къ осьмиконечному. Дальнѣйшія же слова Тертуліана объ этомъ (четвероконечномъ) Крестѣ, именно: „Этою силой Креста... Христосъ и нынѣ возбуждаетъ народы чрезъ вѣру“ и т. д. — ясно показываютъ, что онъ ведетъ рѣчь не о *символѣ* Крестѣ, проявлявшемся только въ ветхомъ завѣтѣ, но о самомъ истинномъ и животворящемъ Крестѣ Господнемъ, на который всѣ ветхозавѣтныя пророчества и прообразованія только предъуказывали.

Во второй выдержкѣ Тертуліанъ, подобно св. Кипріану

Карѳагенскому, разсуждаетъ о таинственномъ значеніи воздѣянiя рукъ Моисеевыхъ во время битвы Іисуса Навина съ Амаликитянами въ Синайской пустынѣ. Какъ изъ словъ св. Кипріана мы вывели то несомнѣнное заключеніе что Карѳагенскій святитель и священномученикъ видитъ въ четвероконечномъ Крестѣ, изображенномъ руками Моисея, не просто только сѣнь или образъ Креста Христова, но дѣйствительный Крестъ Господень, пророчески проявленный святымъ Боговидцомъ; такъ и изъ словъ Тертуліана мы, при безпристрастномъ ихъ разъясненіи, необходимо должны сдѣлать такой же точно выводъ. Тертуліанъ прямо говоритъ, что во время битвы Израиля съ Амаликомъ „ратоборствовало имя Господа Іисуса“, и что Моисеемъ былъ употребленъ тотъ самый Крестъ, „черезъ который Господь Іисусъ имѣлъ одержать побѣду“, т.-е. дѣйствительный Господень Крестъ, пророчески проявленный руками Моисея, а Моисей изобразилъ въѣдь, Крестъ *четвероконечный*, въ чемъ согласны съ нами и старообрядцы.

И другой знаменитый учитель Церкви III-го столѣтія, *Климентъ, пресвитеръ Александрійскій*, скончавшійся въ 217 году, въ одномъ изъ своихъ сочиненій ясно засвидѣтельствовалъ святость и достопокланяемость четвероконечнаго Креста. Это сочиненіе озаглавляется: „*Стрѳматa Στρώματα*)“, что по-русски означаетъ: „Пѣстрые ковры“. Такое названіе Климентъ далъ указанному сочиненію своему по той причинѣ, что въ немъ у него собраны истины не только изъ ученія христіанскаго, но и изъ ученія лучшихъ языческихъ философовъ и мудрецовъ.

Въ 11-й главѣ IV-й книги этого обширнаго сочиненія мы читаемъ слѣдующее:

„Устройство скиніи свидѣніа и ковчега завѣта могло бы служить для насъ образцомъ геометрическаго знанія *):

*) *Геометрія* — это наука объ измѣреніи земли и о размѣрахъ и фигурахъ, проявленныхъ въ природѣ.

и скинія, и ковчегъ завѣта во всѣхъ своихъ размѣрахъ, отличающихся высшею степенью искусства, сдѣланы были по божественному руководству, въ силу совершеннѣйшаго разумѣнія, которое возводитъ насъ отъ чувственнаго къ тому, что превосходитъ постижимое или, вѣрнѣе, отъ земнаго — во святилище и во святое святыхъ. Ибо *четырёхъугольные древѣ* показываютъ, что *четырёхъконечная форма проникла повсюду*, доставляя своими прямыми углами твердость и устойчивость. А длина зданія равнялась 300 (Т) локтямъ... Нѣкоторые говорятъ, что 300 локтей есть символъ Креста Господня“.

Въ этихъ словахъ великій учитель Церкви, созерцая своимъ глубоко-богословскимъ взоромъ устройство скинії и ковчега завѣта, приходитъ къ заключенію, что все въ нихъ говорило о высшей, неземной мудрости Строителя: не только отдѣльныя части, но даже и размѣры этихъ частей отличались удивительною гармоніею и красотою, это по той причинѣ, что самая скинія, ковчегъ завѣта и всѣ прочія принадлежности священнаго зданія — все это сдѣлано было не по мысли земныхъ строителей, Веселіила и Аголіава, но по образцу, *показанному* Моисею *на горѣ* Синайской Самимъ Богомъ. (Исх. 25, 9). Поэтому и вся архитектура скинії имѣла глубокое таинственное значеніе, предъуказывая Израильтянамъ въ будущемъ великую тайну явленія на землю Сына Божія и искупленія Имъ всего рода человѣческаго. На сію тайну, по словамъ Климента, указывали самыя древѣ, изъ коихъ сооружена была скинія: эти древѣ были *четырёхъугольные*, что служило лучшимъ средствомъ для твердости и устойчивости всего священнаго зданія. Кромѣ того, длина скинії равнялась 300 локтямъ. Все это предъуказывало въ ней крестную фигуру: *четырёхъугольные древѣ* прямо указывали на то, что *сія фигура четвероконечна*, и что *она проникла повсюду*, а число 300 указывало на Крестъ, потому что это число изображается буквою Т (тавь), а сія буква, по словамъ многихъ отцовъ и учителей Церкви,

какъ указано выше, есть образъ Креста, такъ какъ древнѣйшая еврейская буква *тавъ* имѣла фигуру *четверо-конечнаго* Креста: $+$, $\times$ или $+$. Особенно замѣчательно, что Климентъ объ этой *четвероконечной* фигурѣ сказалъ, что *она проникла повсюду*, ибо, дѣйствительно, святой Крестъ Господень освятилъ всю вселенную, *весь четверо-конечный міръ*, какъ замѣчено въ одной церковной пѣсни, т.-е. освятилъ своими четырьмя оконечностями всѣ четыре страны свѣта: востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Если же *четыреконечная* фигура святаго Креста Господня *проникла повсюду* и все освятила, то отсюда ясно, что и *четвероконечный* Крестъ слѣдуетъ почитать за такой же истинный Крестъ Христовъ, какъ и Крестъ осьми-конечный.

Изъ III-го столѣтія намъ остается еще указать на свидѣтельство знаменитаго ученика Климента Александрійскаго, *Оригена*. За нѣкоторыя его сочиненія Церковь осудила его на V вселенскомъ соборѣ какъ еретика, но другія сочиненія всегда высоко почитались въ Церкви. Къ числу послѣднихъ сочиненій принадлежатъ и тѣ бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія, изъ которыхъ мы приведемъ выдержку. Оригенъ скончался въ 254 году.

Вотъ, что мы читаемъ у него, между прочимъ, въ *бесѣдѣ 8-й*:

„Поперечныя перекладины корабельной мачты и оконечности парусовъ *носятъ на себѣ фигуру нашего Креста*. Также и самыя птицы, когда онѣ взлетаютъ наверхъ и висятъ въ воздухѣ, раскрывши крылья, подражаютъ крестной формѣ. И самыя трофеи, и знаки побѣды при триумфахъ суть украшенные Кресты, *которые мы должны имѣть не только на своихъ лицахъ, но и въ душахъ нашихъ*, дабы, вооруженные такимъ образомъ, мы могли наступать на аспидовъ и василискъ во Христа Іисуса“.

Здѣсь, въ сущности, рѣчь идетъ о томъ же, о чемъ во II-мъ столѣтіи говорили св. Іустинъ и Минуцій, т.-е. что въ устройствѣ корабельной мачты и парусовъ можно

находить подобіе св. Креста; впрочемъ, Оригенъ видитъ еще изображеніе Креста въ птицахъ, когда онѣ, летая по воздуху, распростираютъ свои крылья. Изъ этихъ сравненій очевидно, что Оригенъ разумѣетъ не иной Крестъ, какъ именно *четвероконачный*. Но откуда видно, спросятъ, можетъ быть, старообрядцы, что онъ считаетъ сей Крестъ истиннымъ Крестомъ Господнимъ? Это видно, во-первыхъ, изъ того, что онъ объ этомъ именно (четвероконачномъ) Крестѣ говоритъ слѣдующее: „поперечныя перекладины мачты и оконечности парусовъ носятъ на себѣ фигуру *нашего* Креста“. Пусть замѣтятъ старообрядцы, что Оригенъ называетъ четвероконачный Крестъ *нашимъ*, а если онъ *нашъ*, то, слѣд., онъ не есть ветхозавѣтная сѣнь истиннаго Креста Господня, но самъ есть истинный Господень Крестъ. Во-вторыхъ, въ концѣ приведенной нами выдержки Оригенъ о томъ же четвероконачномъ Крестѣ замѣчаетъ, что мы должны имѣть сей св. Крестъ *и на лицахъ своихъ*, и въ душахъ нашихъ, и затѣмъ прибавляетъ, что силою сего св. Креста мы будемъ въ состояніи наступать „на аспіда и василиска во Христѣ Іисусѣ“. Ясно, что здѣсь у Оригена идетъ рѣчь о крестномъ знаменіи, которымъ христіанинъ отгоняетъ отъ себя всякую нечистую силу; слѣд., онъ опять разумѣетъ не ветхозавѣтный образъ Креста, но самый истинный Крестъ Господень, которымъ мы ограждаемъ себя, когда крестимся во время молитвы.

IV-е столѣтіе.

особенно богато различными свидѣтельствами объ истинности и достопокланяемости святаго четвероконачнаго Креста. Нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ можно почерпать изъ описанія двухъ историческихъ событій, случившихся въ этомъ столѣтіи, а другія, какъ и свидѣтельства I-го, II-го и III-го столѣтій, принадлежатъ нѣкоторымъ святымъ отцамъ и учителямъ Церкви; одно же свидѣтельство о святости четвероконачнаго Креста высказано

св. великомученикомъ *Іаковомъ Персяниномъ* (память котораго ноябрю въ 27-й день), въ то время, какъ его мучили.

Начнемъ разсмотрѣніе всѣхъ названныхъ свидѣтельствъ съ указанія нашимъ читателямъ на тѣ два важныя событія, которыя случились въ IV-мъ вѣкѣ и получили во всемъ христіанскомъ мірѣ всеобщую извѣстность, и которыя и доселѣ благоговѣйно воспоминаются и прославляются православною Церковію. Одно изъ этихъ событій есть *обрѣтеніе* св. царицею Еленою, матерію св. равноапостольнаго царя Константина, *животворящаго Креста Господня* въ Іерусалимѣ, въ 326 году, а другое — это *явленіе на небѣ чуднаго изображенія св. Креста*, простертаго надъ Іерусалимомъ, въ 351 году, въ царствованіе Констанція, сына Константинова.

1) ОБРѢТЕНІЕ СВ. КРЕСТА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

Прологъ, 14 сентября: „Царица Елена, шедши во Іерусалимъ, и святая мѣста видѣ, и честныя мощи на свѣтъ произведе: и взыска сокровенный отъ іудей, животворящій Крестъ Господень. Макарій же бѣ тогда патріархъ Іерусалиму, иже и срѣте царицу съ подобною честію. Блаженная же Елена, призвавше вся іудеи, вопрошаше показати ей мѣсто, гдѣ сокровенъ есть честный Крестъ; отрицающимся же имъ не вѣдѣти, царица же Елена муками и смертію прещаше имъ. Они же предаша ей нѣкоего стара мужа, Іуду именемъ, глаголюще: сей можетъ показати тебѣ искомое, зане честнаго пророка сынъ есть. И многу истязанію бывшу, Іудѣ же отрицающуся повѣдати, повелѣ же его царица воврещи въ ровъ глубокъ, и пребысть тамо нѣколько время, и обѣщася повѣдати. Изведше же его и придоша на мѣсто. Бысть же ту гора велика, посыпана перстію и каменіемъ. И послѣди Адріанъ царь римскій постави на томъ мѣстѣ храмъ Артемиды, богини Венеры, и въ немъ постави кумиръ

ея, идѣже Іуда мѣсто показа. Царица же Елена повелѣ храмъ идольскій разорити, и персть, и каменіе разсыпати. Макарію же патріарху помолившуся на мѣстѣ томъ, и изыде воня благоуханія. И абіе гробъ и мѣсто краніево явистася къ востоку, и близъ ихъ обрѣтоша погребены три кресты. И потомъ обрѣтоша честные гвозди. *Недомышляющимся же вѣмъ, кій есть Христовъ Крестъ*, и въ то убо время изнесоша *дѣвицу нѣкую мертву*. Тогда Макарій патріархъ повелѣ носящимъ ю стати, и полагаше кресты по единому. *Егда же положиша Христовъ Крестъ, абіе оживе*, и воста дѣвица мертвая силою Божественнаго Креста Господня. Царица же съ радостію взявши честный Крестъ, и поклонися ему, и облобыза его. Такоже и весь сугклить царевъ, иже бѣ съ нею. Иніи же не можаху видѣти въ то время утѣсненія ради, и помолишася поне видѣти его. И потомъ взыде Макарій патріархъ іерусалимскій въ велицѣй церкви на амвонъ, и сотвори воздвиженіе на амвонѣ, и показа честный Крестъ народомъ: и начаша людіе звати: Господи помилуй“.

Слово о обрѣтеніи честнаго Креста, Хруса уединеннаго (Чет. Мин. Митр. Макарія, сент. 14 дня): „Посемъ царь (Константинъ) посла мать свою Елену достохвальную и боголюбицу въ Іерусалимъ съ книгами и съ имѣніемъ многимъ и къ именитому Макарію, сущему ту епископу, на исканіе древа животворящаго и честнаго Креста и на созданіе святыхъ мѣстъ, самой царици се испроцши, глаголющи, яко видѣніе етеро Божіе видѣхъ, повелѣвающе ми въ Іерусалимъ ити, погребена сущи безаконики. Увидѣвъ же епископъ царицу грядущу, събра епархійскихъ епископъ, срѣте ю честію великою: и абіе повелѣ і епископомъ искати желѣннаго древа. Не свѣдущи же мѣста, иному ино кажущо, епископъ того града моляше всѣхъ безмолвствовати и честнѣйшу о томъ молитву приносить Богу. Бывшу же тому, явился епископу мѣсто Богомъ, на немже стояше капище кумира сквер-

наго бѣса Аеродитска. Тогда царица царскою областію събравше соборъ многъ на утрѣи, повелѣ отъ основанія разврещи скверное то созданіе и персть далече отсыпати. Бывшу же сему, явился святой гробъ и мѣсто краніево и недалече тріе кресты погребены. Прилежно же обыскавше, обрѣтъ я и гвоздіа. И сему же бывшу, *печаль велію пріятъ царица, кый убо есть Крестъ Господень*. Епископъ же вѣрою сумнѣніе разрѣшъ: *жена бо етера вельможъ болящи, нечаемъ суци уже всѣми и на смърти уже лежащи, възложи же на ню кождо креста, і искаемое обрѣте: еже бо токмо приближися стѣнь животворящаго Креста, недужная абіе Божіею силою воскочи, веліимъ гласомъ славящи Бога*. Царица же Елена съ радостію веліею взявши животворящій Крестъ, часть етеру съ гвоздьми принесе сынови: прочее же, сотворше сребрену рачицю, предасть епископу града того на память всѣмъ родомъ“.

Повѣсть о обрѣтеніи честнаго Креста. (Чет.-Мин. митр. Макарія, сент. 14 дня). Начало сей повѣсти одинаково съ двумя вышеприведенными; поэтому приведемъ ее лишь отчасти: „Тогда пыталаше боголюбивая Елена: кий есть Иисусовъ Крестъ? Два бо, рече, яко двою разбойнику еста. Тогда положиша е посреди града и бѣаху ожидающе славы Божіа. И се въ девятый часъ дне одрѣ несяху, на немъже мертвъ отрокъ. Іуда же радостенъ бывъ, рече: нынѣ убо вѣси, владычице, древо любимое и силу его. Тогда постави Іуда одрѣ и полагая по единому на мертвецѣ. *Егда положи третій Крестъ на трупъ, и абіе воста умершій отрокъ*“.

Слово на воздвиженіе честнаго Креста (Чет. Мин. митр. Макарія, сент. 14 го дня): „Тогда пыталаше боголюбивая Елена: кое есть Крестъ Христовъ? Тѣмъ бо, рече, яко двою разбойнику еста. Въ тотъ годъ положи а среди града, и бяху ожидающе славы Божіа. И се въ девятый часъ дне одрѣ ношаху, на немъ же лежаше мертва двѣница. Іуда же радостенъ бывъ, рече: нынѣ увѣси, вла-

дычице, любимое древо и силу его. Тогда постави одръ Іуда и полагаше по единому на мертвеци: *и егда положи третій Крестъ на трупъ, и абіе воста мертвая дѣвица*“.

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что о событіи обрѣтенія Креста Господня сохранилось нѣсколько извѣстій, которыя въ общихъ чертахъ сходны между собою, но въ частностяхъ нѣсколько разнятся другъ отъ друга. Разница замѣчается, преимущественно, по отношенію къ чуду, совершенному Крестомъ Христовымъ: въ Прологѣ и въ словѣ на Воздвиженіе (которое мы привели въ концѣ другихъ выдержекъ) говорится, что патріархъ и царица узнали истинный Крестъ Господень потому, что онъ воскресилъ *умершую дѣвицу*; „Хрусь уединенный“ въ своемъ словѣ передаетъ, что Крестъ Христовъ не воскресилъ ея, но только *исцѣлилъ жену одного вельможи*, которая была при смерти; наконецъ, повѣсть объ обрѣтеніи Креста сообщаетъ, что воскрешенный крестною силою мертвецъ былъ *отрокъ*, а не дѣвица. Такое различіе происходитъ отъ того, что сами историки, передающіе извѣстіе объ этомъ событіи, именно: Евсевій, Созоменъ, блаж. Θεодоритъ, Руфинъ, св. Павлинъ Ноланскій, Сульпицій Северъ и др., не вполне согласны между собой относительно частныхъ подробностей, хотя всѣ они согласны въ общемъ, — что царица Елена дѣйствительно, обрѣла истинный Крестъ Христовъ. Для насъ и для глаголемыхъ старообрядцевъ нѣтъ поэтому никакой надобности вдаваться въ разборъ всѣхъ частныхъ различій, но достаточно, если мы внимательно рассмотримъ все событіе въ главныхъ его чертахъ.

Первая важная особенность этого событія заключается въ томъ, что царица Елена, патріархъ Макарій и народъ, послѣ обрѣтенія трехъ крестовъ, недоумѣваютъ, какой изъ нихъ есть истинный Крестъ Господень. Это недоумѣніе, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ названные нами историки, показываетъ: 1) что *всѣ*

три найденные кресты были совершенно одинаковы по внешнему виду; иначе какъ понять то, что никто изъ присутствующихъ не сумѣлъ различить, который изъ нихъ есть Крестъ Христовъ? 2) Слѣдовательно, *Крестъ Христовъ, при своемъ обрѣтеніи, не имѣлъ ни титла, ни подножія*, ибо, если бы онъ имѣлъ сіи части, то никакого труда не стоило бы съ перваго взгляда указать, какой изъ трехъ найденныхъ крестовъ есть истинный Крестъ Христовъ, ибо самое титло съ надписью указало бы царицѣ и патріарху на сей послѣдній. Это подтверждается тѣмъ, что всѣ названные нами историки говорятъ, что *титло отъ Креста Христова нашли отдѣльно отъ послѣдняго*, почему и потребовалось чудесное свидѣтельство.

Вторая, не менѣе важная, особенность событія обрѣтенія Креста состоитъ въ томъ, что *Крестъ Христовъ, лишенный титла и подножія, тѣмъ не менѣе остался истиннымъ Крестомъ Христовымъ*, такъ что проявилъ свою силу чрезъ чудо. Это обстоятельство должно обратить на себя особое вниманіе старообрядцевъ, такъ какъ оно прямо и открыто указываетъ на святость *четверо-конечнаго Креста* и еще разъ съ новою силою убѣждаетъ ихъ, что *сила Креста не зависитъ ни отъ титла, ни отъ подножія, а также вообще ни отъ такого или иного числа оконечностей, но единственно отъ всеосвящающаго дѣйствія Самого Спаса, распятаго на Крестъ*. Поэтому, хотя титло и найдено было отдѣльно отъ Креста, тѣмъ не менѣе послѣдній нисколько не потерялъ своей прежней силы, но сохранилъ ее въ той же степени: доказательствомъ сему является чудесное воскрешеніе мертвого, а по другому извѣстію, не менѣе чудесное, мгновенное исцѣленіе больной женщины, бывшей при смерти.

Такимъ образомъ Крестъ, найденный св. Еленою, произведшій чудо и затѣмъ торжественно воздвигнутый предъ всѣмъ народомъ, былъ *Крестъ четвероконечный* (ибо ни откуда не видно, чтобы царица Елена или патріархъ Ма-

жарій приказали придѣлать къ нему недостающее титло или подножіе). Вотъ новое краснорѣчивое свидѣтельство о древности почитанія святаго *Креста четвероконечнаго!*

Другое важное событіе четвертаго столѣтія, указывающее на святость и достопокланяемость сего Креста, есть —

2) ЯВЛЕНІЕ КРЕСТА НА НЕБѢ,

— которое случилось, какъ мы сказали, уже при сынѣ св. равноапостольнаго царя Константина, Констанціѣ.

Четъи-Минеи митр. Макарія, мая 7 дня, о явленіи на небеси знаменія честнаго Креста: „По преставленіи перваго въ христіанѣхъ благовѣрнаго и благочестиваго царя святаго Константина Великаго, пріимшу царство сыну его Констанцію, и уклонившуся въ злочестивую ересь Аріеву, хулящую Сына Божія, бысть на посрамленіе еретиковъ злочестивыхъ, на увѣреніе же невѣрныхъ, а на утвержденіе правовѣрныхъ, дивное во св. градѣ Іерусалимѣ знаменіе: во днѣхъ св. пятидесятницы, мая въ седьмой день, явился о третіемъ часѣ на небеси честнаго Креста Господня изображеніе, сіяющее свѣтомъ неизреченнымъ паче лучъ солнечныхъ, всѣмъ людямъ на то зрящимъ и со ужасомъ велимъ удивляющимся. Стояше же то знаменіе крестное надъ св. горою Голгоѣскою, на нейже Господь нашъ распятся и протяжеся, величествомъ своимъ досягая даже до горы Елеонскія, отстоящія отъ Голгоѣы за пятьнадесять стадій, и согласоваше крестная широта домотъ своей“.

Такъ описано это чудесное явленіе въ великихъ Четъихъ-Минеяхъ; а вотъ какъ говорится объ этомъ же событіи въ *Прологъ*, на 7 мая: „При Константіѣ царѣ, сынѣ великаго Константина царя, и при Кириллѣ, патріархѣ Іерусалимскомъ, во днѣхъ святыя пентикостіи, въ третій часъ дня явился честнаго и животворящаго Креста образъ стоящъ свѣтомъ на небеси, видящимъ всѣмъ людямъ. Превыше убо святыя Голгоѣы распростресея, идѣже Господь нашъ Іисусъ Христосъ распятся, и досязаше до свя-

тыя горы Елеонскія, идѣже свѣтлость лучъ солнечныхъ скры. Тогда всякъ возрастъ христіанскій, юніи же и старіи со младенцы и ссущими, въ Божію святую церковь придоша съ великою радостію, и славу и благодареніе съ теплымъ умиленіемъ возслаша Богу о преславномъ чудеси. О немже святой Кириллъ Константію написа, утверждая его въ правовѣрнѣй вѣрѣ“.

Не безъ особеннаго смотрѣнія Божія произошло это чудное знаменіе Креста на небеси: время правленія царя Констанція было печальнымъ для Церкви, ибо самъ императоръ уклонился въ Аріеву ересь и вмѣстѣ съ аріанскими епископами старался всячески притѣснять православныхъ. Хула Арія на Сына Божія, поистинѣ, *раздражиу Христову*, т.-е. святую Церковь: все болѣе и болѣе слабыхъ и малодушныхъ прельщалось и увлекалось богопротивнымъ аріанскимъ ученіемъ. Въ такое-то время изсякновенія вѣры и преуспѣянія лжевѣрія Господь благоволилъ явить во св. градѣ Іерусалимѣ чудное знаменіе Своей Божественной силы, чтобы посрамить еретиковъ и укрѣпить колеблющихся въ вѣрѣ православныхъ. По смотрѣнію Божію, въ то время іерусалимскою Церковію правилъ великій свѣтильникъ правовѣрія и святости, *святитель Кириллъ*, который и сдѣлался однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ и благовѣстителей новаго чуда. Онъ немедленно же написалъ къ императору Констанцію посланіе, въ которомъ подробно разсказалъ царю о случившемся и увѣщевалъ его оставить еретическое ученіе и возвратиться къ той св. вѣрѣ, которую изъяснили и утвердили на I-мъ вселенскомъ соборѣ святые Отцы никейскіе. Подробное повѣствованіе о семъ небесномъ явленіи дошло до насъ, благодаря историку Созомену (Церк. Исторія, кн. IV, гл. 4-я), который передаетъ, что сіе явленіе такъ поразило іудеевъ и язычниковъ, что многіе изъ нихъ сдѣлались христіанами.

Въ предложенномъ нами описаніи этого событія, взятомъ изъ Четви-Минеи митр. Макарія, нельзя не оста-

новить вниманія на слѣдующемъ выраженіи: *и согласоваше крестная широта домотъ своей*. Итакъ, здѣсь рѣчь только о *двухъ древахъ Креста*: одно изъ нихъ названо *широю*, а другое — *долотою*, при чемъ замѣчено, что „широта была равна по длинѣ долготѣ“, слѣд., и та и другая равнялись 15 стадіямъ, — разстоянію отъ горы Голгофы до Елеона. Такимъ образомъ свѣтозарное изображеніе Креста Христова имѣло *видъ четвероконечный*, съ равными сторонами и оконечностями. Свидѣтельство это особенно важно по той причинѣ, что принадлежитъ не землѣ и не людямъ, а лишь единому Богу, ибо явилось на небѣ. Самъ Господь показалъ здѣсь людямъ, какъ свята и таинственна четвероконечная фигура Креста, и какое благоговѣйное поклоненіе подобаетъ воздавать не только святому Кресту осьмиконечному, но *и святому Кресту четвероконечному*.

Мы разобрали два событія, имѣвшія мѣсто въ IV-мъ столѣтіи, и вывели изъ нихъ важныя свидѣтельства о святости и достопокланяемости четвероконечнаго Креста. Теперь перейдемъ къ изложенію и разбору святоотеческихъ свидѣтельствъ о томъ же, дошедшихъ до насъ изъ того же вѣка.

На первомъ мѣстѣ среди этихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ поставить выдержки изъ твореній трехъ великихъ вселенскихъ учителей и святителей: *св. Василія Великаго, св. Григорія Богослова и св. Иоанна Златоустаго*.

Вотъ, что говоритъ *св. Василій Великій* (преставившійся въ 379 г.; память его 1 января и 30 января) въ своемъ *толкованіи на пророка Исаію*, на гл. 11, ст. 12:

„И воздвигнетъ, говоритъ пророкъ, знаменіе въ языки, и соберетъ погибшія Израилевы, и расточенныя Иудины соберетъ отъ четырехъ крилъ земли. Итакъ, Корень Иессеовъ, возстая владычи языки, воздвигнетъ знаменіе въ языки, чтобъ собрались погибшіе Израилевы. Прииде бо Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго (Лук. 19, 10). А знаменіемъ, какое воздвигъ въ языки, служить

упоминаемое въ Евангеліи: *узрятъ знаменіе Сына чело-вѣческаго* (Мат. 24, 30), то самое знаменіе, которое на-зываемъ Крестомъ Господа нашего Іисуса Христа, *имже* святымъ *міръ* *распяся*, и они *міру* (Гал. 6, 14); чѣмъ и выражаетъ пророкъ силу знаменія. Для чего Крестомъ совершено домостроительство вочеловѣченія? Для того, чтобы *отъ четырехъ крылъ земли* собрались спасаемые. Ибо *Крестъ дѣлится на четыре части*, такъ что каж-дая его часть обращена къ одной изъ *четырехъ частей міра*. А предпочтена крестная смерть, или чтобы всѣ части міра приведены были ко спасенію частями Креста; или потому, что прежде деревяннаго Креста воздвигнуть былъ цѣлому міру спротяженный, мысленный Крестъ, въ средѣ котораго соприкасаются *четыре части* вселен-ной, и сила котораго, заключающаяся въ средѣ, прохо-дитъ *въ четыре части*. Посему, какъ скоро воздвигнется сіе знаменіе, погибшіе Израилевы и расточенные Іудины собраны будутъ *отъ четырехъ крылъ земли*“.

Итакъ, объясняя слова пророка, что Господь воздвиг-нетъ нѣкое знаменіе, коимъ соберетъ разсѣянныхъ чадъ духовнаго Израиля *отъ четырехъ крылъ земли*, — св. Ва-силій Великій подъ симъ знаменіемъ разумѣетъ Крестъ Господень, который, по его словамъ, *дѣлится на четыре части* или четыре конечности, изъ коихъ каждая часть или конечность обращена къ одной изъ *четырехъ странъ міра*. Этотъ Крестъ, соприкасающійся *четыремъ частямъ вселенной*, есть тотъ мысленный Крестъ, который поло-женъ былъ Богомъ въ основаніи всего видимаго творе-нія, дабы онъ освящалъ все своею силою. Сей-то мыс-ленный Крестъ *четвероконечный* принялъ на Голгоѣ видимую форму въ деревянномъ Крестѣ, на которомъ распятъ былъ едиnorodный Сынъ Божій, освятившій чрезъ Свои простертыя длани, чрезъ Свои пречистыя ноги и чрезъ увѣнчанную терніемъ главу — всѣ *четыре оконча-сти* крестнаго древа. Вотъ то великое таинство Креста, о которомъ бесѣдуетъ св. отецъ. Если съ полнымъ без-

пристрастіемъ обсудить его слова, то нельзя не согласиться, что и онъ ясно учитъ о святости и достопокланяемости четвероконечнаго Креста.

И у св. Григорія Богослова (преставившагося въ 389 г.; память его 25 января и 30 января) мы находимъ свидѣтельство, не менѣе ясное, чѣмъ свидѣтельство св. Василія. Св. Григорій былъ христіанскій стихотворецъ и написалъ много стихотвореній. Одно изъ нихъ озаглавлено такъ: „Сонъ о храмѣ Анастасіа“. Храмъ, названный св. Григоріемъ Анастасіа (что по-гречески значитъ: *воскресеніе*), — это была та маленькая церковь, въ которой св. Григорій совершалъ богослуженіе и произносилъ свои знаменитыя слова о богословіи, въ первое время своего пребыванія въ Константинополѣ, когда всѣ почти храмы столицы находились еще въ рукахъ еретиковъ-аріанъ. Св. Григорій наименовалъ эту маленькую церковь „Анастасіа“, ибо онъ надѣялся, что, благодаря этой церкви, православіе въ Константинополѣ вскорѣ *воскреснетъ* и побѣдитъ аріанство, что потомъ и случилось. Въ своемъ стихотвореніи „Сонъ о храмѣ Анастасіа“ св. Григорій упоминаетъ о другомъ константинопольскомъ храмѣ, посвященномъ памяти святыхъ дванадцате Апостолъ. Вотъ, что говоритъ онъ о семъ храмѣ:

„Много изящныхъ произведеній зодчества въ царственномъ городѣ, которыми гордится онъ; но преимущественно предъ прочими (городами) можетъ похвалиться онъ небесными храмами, храмами нѣкогда моими (т.-е. православными), а теперь для меня чуждыми (поелику они сдѣлались аріанскими). Въ числѣ же другихъ (можетъ похвалиться онъ) и великолѣпнымъ храмомъ Апостоловъ, который крестообразными стѣнами разсѣкается на четыре части“.

Изъ этихъ словъ можно вывести то важное для насъ и для глаголемыхъ старообрядцевъ заключеніе, что еще въ IV-мъ столѣтіи, когда, какъ извѣстно, христіанское зодчество еще только зарождалось, христіане воздвигали

храмы, планъ которыхъ представляетъ изъ себя *четверо-конечную крестную фигуру*. Какое значеніе имѣлъ бы такой способъ построенія святыхъ храмовъ, если бы еще въ то время, какъ и доселѣ, православные христіане не почитали святаго Креста четвероконечнаго, наравнѣ съ св. Крестомъ осмиконечнымъ?

Обращаемся къ словамъ *св. Іоанна Златоустаго* (представившагося въ 407 г.; память его 13 ноября, 27 января и 30 января). Вотъ что читаемъ мы въ его *бесѣдахъ на посланіе къ Ефесеямъ*, — въ *бесѣдѣ 7-й* на гл. 3-ю, ст. 18-й (приводимъ въ данномъ мѣстѣ слова святителя по славянскому переводу, заимствованному изъ двухъ книгъ: изъ книги „*Бесѣды св. Іоанна Златоуста на 14 посл. Ап. Павла*“, напечатанный въ 1621—1623 въ Кіево-Печерской лаврѣ, и изъ книги „*Апостолъ толковый*“, напечат. въ 1784 г., въ Почаевѣ):

„Да возможете разумѣти со всѣми святыми, кая есть широта, и долгота, и глубина, и высота, сирѣчь тайну о насъ устроенную съ опасствомъ увидѣти. Сіе бо и широту, и долготу нарицаеть, и глубину, и высоту. Сирѣчь величество любви Божія познати, како всюду распрострися, показуя же, елико есть величество любви, и тѣлесными ю подписа образы (показуя челоуѣка), *обоя еже горѣ, яже долѣ, яже отъ обою страну*. Рѣхомъ бо, рече, нѣсть моихъ словесъ сихъ учить, но Духа Святаго“.

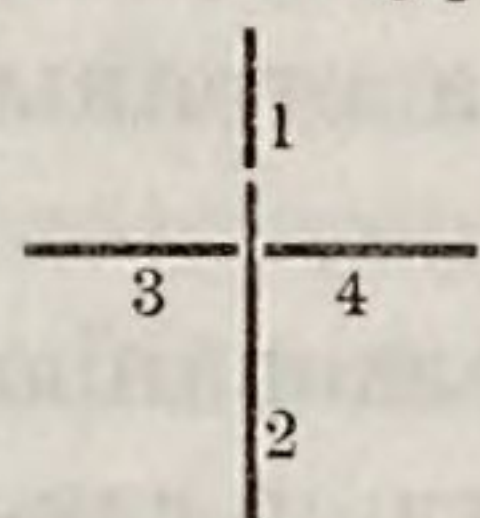
„Крестный бо образъ на четыре страны раздѣляемъ. Отъ посредняго знаменія вся показываетъ, яко Божественнымъ естествомъ содержима суть. *Вышняя убо вышнимъ рогомъ содержима, нижняя же нижнимъ, посредняя же двоими странами*. Даже убо покажетъ Господь, яко Той есть собирая и содержа всяческая, и яко смерть Его освятити имать вся. Сего ради крестную смерть пріять, се бо и Божественный Павелъ знаменующи глаголетъ: *да возможете, рече, постигнути со всѣми святыми, что есть широта, и долгота, и глубина, и высота*. Знаменующе высотой небесная, глубиною преисподняя, широтою и

долготою посредняя конца, всесильною державою содержа, сій же образъ Божественный Давидъ воспѣ глаголя: *камо иду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу? аще възыду на небо, се есть высота, аще сниду во адъ, се есть глубина, аще воспріиму крилу свою на утро, еже есть солнечное восхожденіе, се есть широта, аще вселюся въ послѣдняя мѣря* (Пс. 138, 7—9), на западныя страны тако именуется, се есть должина“.

Изъ этихъ двухъ выдержекъ видно, что, по толкованію св. Іоанна Златоуста, высота, широта, долгота и глубина (о которыхъ говоритъ св. Ап. Павелъ) указываютъ на величество любви Божіей къ людямъ, въ силу которой Господь благоизволилъ быть распятымъ на Крестѣ, черезъ что „въ тѣлесныхъ образахъ“ показалъ сію великую любовь Свою, ибо изобразилъ *обоя, яже горѣ, яже долѣ, яже отъ обою страну*, т.-е. крестную, четвероконечную фигуру.

Чтобы лучше пояснить слова свои, св. отецъ приводитъ мѣсто изъ псалма 138-го, въ которомъ царь Давидъ, изображая вездѣсущіе Божіе, восклицаетъ: *камо иду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу? аще възыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси: аще возму крыль мои рано и вселюся въ послѣднихъ мѣря: и тамо бо рука Твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя* (ст. 7—10). *Аще възыду на небо* — здѣсь, по словамъ Златоуста, рѣчь о *высотѣ*; *аще сниду во адъ* — здѣсь рѣчь о *глубинѣ*; *аще возму крыль мои рано* — здѣсь рѣчь о *солнечномъ восходѣ* или о *широтѣ*; и *вселюся въ послѣднихъ мѣря* — здѣсь рѣчь о *долготѣ*. Все это св. отецъ относитъ къ древу Креста Христова, ибо прямо говоритъ: „крестный образъ на четыре страны раздѣляемъ. Отъ посредняго знаменія вся показываетъ, яко божественнымъ естествомъ содержа суть“, — и далѣе говоритъ такъ: *вышняя убо вышнимъ рогомъ содержа, нижняя же нижнимъ, посредняя же двоими странами*. А еще ниже: „сего ради крестную смерть пріять (Гос-

подъ), се бо и божественный Павелъ знаменующи глаголетъ: „да возможете, рече, постигнути со всѣми святыми, что есть *широта*, и *долгота*, и *глубина*, и *высота*“. Изъ всѣхъ этихъ указаній св. Златоуста на фигуру животворящаго Креста Христова мы заключаемъ, что эта фигура, по мысли св. отца, такая:

1) — это *высота* Креста, о которой св. отецъ говоритъ: *вышняя убо вышнимъ рогомъ содержима*, и которую выше, въ приведенныхъ нами словамъ его, наименовалъ частію, *яже горъ*. 2) — это *глубина* Креста, о которой св. Златоустъ говоритъ такъ: *нижняя же нижнимъ (рогомъ)*, т.-е. *содержима*, и которую выше назвалъ частію, *яже долъ*. 3) — это *долгота* Креста, о которой у св. отца сказано: *посредняя же двоими странами*, т.-е. *содержима*. 4) — это *широта* Креста, на которую указываетъ то же выраженіе: *посредняя же двоими странами* (т.-е. *содержима*), ибо *долгота* — одна сторона Креста, а *широта* — другая; поэтому, говоря выше о долготѣ и широтѣ, св. отецъ обозначилъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: *яже отъ обою страну*. Такимъ образомъ св. Іоаннъ Златоустъ, очевидно, разумѣетъ Крестъ *четверокопечный*. А что сей видъ Креста онъ считаетъ не сѣнію только истиннаго Креста Господня, но самымъ истиннымъ Крестомъ Христовымъ, — это видно изъ того, что, говоря о св. четверокопечномъ Крестѣ, онъ прямо примѣняетъ къ сему именно Кресту слова св. Ап. Павла о величествѣ любви Божіей къ людямъ, проявившейся въ *высотѣ*, *глубинѣ*, *долготѣ* и *широтѣ*, или, по толкованію св. отца, — въ крестной смерти едиnorodнаго Сына Божія.

Кромѣ свидѣтельствъ о святости четверокопечнаго Креста, принадлежащихъ святымъ тремъ вселенскимъ учителямъ и святителямъ, Василию Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоусту, — мы укажемъ еще изъ IV-го столѣтія свидѣтельства о томъ же слѣдующихъ святыхъ отцовъ: св. *Аѳанасія Великаго*, св. *Григорія Ниссійскаго*,

св. Амвросія Медиоланскаго и блаженнаго Іеронима Стридонскаго.

Вотъ, что говоритъ св. Аѳанасій Великій, архіепископъ Александрійскій (преставился въ 373 г.; память его 2 мая и 18 января) въ своихъ *Отвѣтахъ на вопросы Антіоха князя* *): „Креста убо образу *отъ двою древу* совокупляюще покланяемся. Егда же кто насъ отъ невѣрныхъ укорилъ бы, яко древу покланяющіяся, можемъ *два древа* разлучивше, и образъ Креста разрушивше, яко праздна сіе непщевати древа, а невѣрнаго увѣщевати, яко не древо чтемъ, но образъ Креста (отвѣтъ на 41 вопросъ)“ **).

Это свидѣтельство потому особенно важно, что св. отецъ въ немъ прямо, не обинуясь говоритъ, что Крестъ состоитъ *изъ двухъ древъ*, и какъ бы не довольствуясь этими словами, далѣе поясняетъ свою мысль. „Если бы кто отъ язычниковъ“, говоритъ онъ, „укорилъ насъ за то, что мы покланяемся дереву, то, въ доказательство того, что мы не древо чтимъ, но Крестъ Господень, мы можемъ разлучить *два древа*, такъ что уже не получится Креста, но останутся одни пустыя древа. Конечно, сами глаголемые старообрядцы согласятся что рѣчь здѣсь идетъ о *четвероколенномъ* Крестѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, если мы, по словамъ св. Аѳанасія, разлучимъ два древа сего Креста, то уже не получимъ Креста, но однѣ прямыя палочки: | и —. Но они, пожалуй, замѣтятъ намъ: „откуда же видно, что двусоставный Крестъ, о которомъ бесѣдуетъ св. Аѳанасій, есть истинный Крестъ Христовъ, а не сѣнь его только? Вѣдь и самъ св. Аѳанасій въ приведенной вы-

*) Это твореніе св. отца весьма уважалось въ Русской Церкви, такъ что помѣщено было во многихъ старописьменныхъ книгахъ. Мы заимствуемъ предлагаемую выдержку изъ «Выписокъ Озерскаго» (см. Изд. III, томъ II, стр. 250).

**) Это же свидѣтельство Аѳанасія великаго о *четвероколенномъ* крестѣ, что кресту сложенному отъ двою древу покланяемся, до словно повторяетъ въ своей книгѣ Матѳей правилникъ, составъ «есть», глава 6-я.

держкѣ говорить, что мы покланяемся *образу* Креста, совокупляюще его отъ *двою древу*: не ясно ли отсюда, что и по мысли св. отца, двусоставный Крестъ есть только сѣнь и образъ истиннаго креста Господня, а не самый истинный Господень Крестъ? Дѣйствительно, св. Аѳанасій говоритъ, что мы покланяемся *образу* Креста Христова, совокупляюще его отъ *двою древу*. Но достаточно внимательнѣе вникнуть въ его слова, чтобы увидѣть, что подъ словомъ *образъ* въ данномъ случаѣ разумѣеть вовсе не ветхозавѣтный образъ или сѣнь Креста Господня, но тѣ *изображенія* сего святаго и животворящаго Креста, которыя православные христіане и во время св. Аѳанасія, и нынѣ устраиваютъ во свв. храмахъ и домахъ своихъ и которымъ они благоговѣйно покланяются. Что наше пониманіе слова *образъ* у св. Аѳанасія совершенно правильно, это можно доказать тѣмъ, что св. отецъ, говоря о семъ *образѣ* Креста, ясно замѣчаетъ, что мы ему *покланяемся*. Пусть старообрядцы съ особеннымъ вниманіемъ остановятся на этомъ выраженіи *покланяемся*: если бы св. Аѳанасій разумѣлъ подъ *образомъ* Креста то, что хотятъ разумѣть подъ нимъ старообрядцы, то онъ не сказалъ бы, что мы ему *покланяемся*, ибо въ новозавѣтной, христіанской Церкви покланяться ветхозавѣтной сѣни или ветхозавѣтному образу было бы несвоевременно, такъ какъ нынѣ *прейде стѣнь законная, благодати пришедши*. Напротивъ, *изображеніемъ* святаго Креста Христова, напоминающимъ тотъ самый Крестъ, на которомъ распятъ былъ нашъ Спаситель, мы вполне *можемъ покланяться* и, дѣйствительно, *покланяемся*, какъ истинные, православные христіане. Итакъ, св. Аѳанасій говоритъ не о ветхозавѣтной сѣни или ветхозавѣтномъ образѣ св. Креста Христова, но о тѣхъ святыхъ изображеніяхъ сего св. Креста, которымъ мы всегда покланяемся. А между тѣмъ онъ (вопреки мыслямъ старообрядцевъ) прямо говоритъ, что мы покланяемся симъ изображеніямъ, *совокупляюще ихъ отъ двю древу*, слѣд. кланяемся чет-

вероконечному Кресту, воздавая ему ту самую честь, какую мы воздали бы на горѣ Голгоѣ тому самому Кресту, на которомъ распятъ былъ нашъ Господь и Спаситель.

Не менѣе убѣдительны свидѣтельства о Крестѣ Христовомъ *св. Григорія Ниссійскаго*, брата *св. Василя Великаго* (преставился въ 394 г.; память его 10 января). Вотъ, что говоритъ *св. Григорій* въ своихъ *бесѣдахъ о блаженствахъ*:

„На Крестъ, по моему мнѣнію, указываетъ и та іота, которая разсматривается въ соединеніи съ чертою (Мат. 5, 18). Ибо сіе соединеніе неподвижнѣе неба, тверже земли и прочнѣе природы всѣхъ вещей. Поелику небо и земля мимо идутъ, и образъ міра сего прейдетъ, но іота и едина черта изъ закона не прейдетъ. *Прямая линія, идущая сверху внизъ, называется іотою, а линія, простирающаяся поперекъ, въ сторону, называется чертою*. Этому можно научиться и у самихъ мореплавателей, которые то же греческое названіе, какое усвоится чертѣ, т.-е. *χρῆμα*, усвояютъ и поперечному древу, придѣланному къ мачтѣ. Посему мнѣ кажется, что эти Божественныя слова Евангелія (о іотѣ и чертѣ) какъ бы въ загадкѣ и зеркалѣ *указываютъ на крестную форму*, въ которой все содержится, поелику она неподвижнѣе всего, содержащагося въ ней, и вѣчна, и господствуетъ надъ всѣмъ“.

Здѣсь *св. Григорій* объясняетъ слова Спасителя. *Аминь глаголю вамъ: дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина или едина черта не прейдетъ отъ закона, дондеже вся будутъ* (Мат. 5, 18). Соединеніе *іоты* съ *чертою*, по мысли *св. отца* указываетъ на Крестъ Христовъ, сложенный *отъ двухъ древъ: іота* (буква-грескаго алфавита) имѣетъ такую фигуру: „I“ и поѣтому служитъ изображеніемъ *прямаго древа* Креста или, какъ говоритъ *св. Григорій*, „*прямой линіи, идущей сверху внизъ*“. А *черта* изображается, обыкновенно, въ такомъ видѣ: „—“ и поѣтому служитъ образомъ *поперечнаго древа* Креста или,

по словамъ св. Отца, „линіи простирающейся поперекъ, въ сторону“. Такимъ образомъ изъ *іоты* и *черты* получается *четверокопечный Крестъ*: $+$.

Для большей ясности св. Отець указываетъ на знакомое уже намъ поперечное древо корабельной мачты, которое у римлянъ носило названіе *antenna*, а у грековъ называлось *хєраіа*, что по-русски значитъ *черта*. Какъ поперечная переключина (*antenna хєраіа*), въ соединеніи съ мачтою, образуетъ *четверокопечный Крестъ*, такъ и *черта* (*хєраіа*), въ соединеніи съ *іотою*, образуетъ тотъ же Крестъ. Итакъ, если подъ *іотой* и *чертой* разумѣть Крестъ, то становится понятнымъ, по мнѣнію св. Григорія, и смыслъ словъ Спасителя о томъ, что *небо и земля*, т.-е. весь міръ, *мимоидетъ*, а слова *Его не мимоидутъ* (Мат. 24, 35), потому — что Крестъ (по словамъ св. Отца) „неподвиженъ неба, тверже земли и проченъ природы всѣхъ вещей; въ крестной формѣ все содержится, поелику она неподвиженъ всего, въ ней содержащагося, и вѣчна, и господствуетъ надъ всѣмъ“. Пусть замѣтятъ старообрядцы, что св. Григорій называетъ крестную *четверокопечную* фигуру *вѣчною* и *неподвижною*: ясно, что онъ чрезъ это даетъ понять, что *четверокопечный Крестъ* есть такой же истинный Крестъ Господень, какъ и *осьмикопечный*, ибо, если бы онъ почиталъ *четверокопечный Крестъ* только ветхозавѣтною сѣнію или ветхозавѣтнымъ образомъ новозавѣтнаго, истиннаго Креста Христова, то не сказалъ бы о немъ, что онъ вѣченъ и неподвиженъ, такъ-какъ нынѣ, вѣдь, *прейде сѣнь законная, благодати пришедши*.

Переходимъ къ другимъ свидѣтельствамъ св. Григорія Ниссійскаго.

І-е слово о воскресеніи Господнемъ: „Одному Павлу свойственно излагать сіе таинство Креста, какъ онъ дѣлаетъ это и въ своемъ посланіи къ Ефесеямъ, когда, объясняя сію тайну, говоритъ: *да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта, и долота, и глубина,*

и высота (Ефес. 3, 18). И не напрасно божественное око святаго Апостола созерцало образъ Креста: далѣе онъ съ очевидностію показываетъ на дѣлѣ, что онъ, отрясши чешуи невѣжества отъ очей ума, прозрѣлъ съ ясностію истину. Ибо онъ зналъ, что сей (крестный) образъ, *имѣющій четыре рога*, исходящіе изъ середины, обозначаетъ могущество и предвѣдѣніе Того, Кто висѣлъ на немъ; потому онъ и назвалъ отдѣльныя части Креста особыми именами, ибо ту часть, которая обращена отъ середины къ землѣ, именуетъ глубиною, а (часть) которая возвышается вверхъ — высотой; а широтою и долгою называетъ тѣ части, кои простираются съ обѣихъ сторонъ въ поперечномъ направленіи, такъ что та часть, которая простирается отъ середины по одну сторону, именуется широтою, а та, которая по другую сторону, долгою“.

Большое описательное слово, гл. 32-я: „Отъ Креста и его четырехконечной формы, въ коей изъ середины, гдѣ соединяются части Креста, исходятъ четыре произращенія, мы научаемся, что Тотъ, Который во время, предназначенное для Его смерти, былъ распростертъ на семь древѣ, все содержитъ и сосредоточиваетъ въ Себѣ и природу различныхъ вещей соединяетъ въ одно гармоническое цѣлое. Поелику въ вещахъ мы видимъ иное или наверху, или внизу, или же мысль обращается къ тому, что находится на сторонахъ. Итакъ, если ты размышляешь о томъ ли, что касается неба, или о преисподней или же о двухъ странахъ міроваго цѣлаго,—вездѣ мысль встрѣчается съ Божествомъ, которое открывается въ каждой отдѣльной части вещи и все содержитъ въ бытіи“.

Смыслъ словъ св. Григорія Ниссійскаго весьма близокъ къ разобраннѣмъ нами выше словамъ Златоуста: и св. Григорій понимаетъ подъ широтою, долгою и глубиною тѣ же самыя части Креста, какъ и Златоустъ, именно: подъ широтою — одну сторону поперечнаго древа, подъ долгою — другую сторону сего же древа, а подъ глу-

биною — нижнюю часть Креста, отъ поперечнаго древа до нижней крестной оконечности. Также и подъ выотою св. Григорій разумѣетъ ту же часть Креста, какъ и св. Іоаннъ Златоустъ, именно *верхній рогъ крестнаго древа*, идущій отъ поперечнаго древа вверхъ. Святитель Нисійскій особенно ясно и наглядно представляетъ *четвероко- нечную форму* Креста, когда говоритъ: „отъ Креста и его *четвероко- нечной формы*, въ коей изъ среды, гдѣ соеди- няются части Креста, исходятъ *четыре произращенія*, — мы научаемся, что Тотъ, Который во время, предназна- ченное для Его смерти, былъ распростертъ на семь древѣ, все содержитъ и сосредоточиваетъ въ Себѣ“ и т. д. *че- тыре произращенія*, исходящія изъ середины, — это оче- видно, четыре рога Креста, а середина — это то мѣсто, гдѣ всѣ сіи рога встрѣчаются и пересѣкаютъ другъ друга. Для того, чтобы лучше изъяснить таинство Креста Хри- стова, освящающаго „*четыре-конечный міръ*“, св. Григорій такъ же, какъ и св. Златоустъ, обращается къ словамъ 138-го псалма и объясняетъ ихъ въ томъ же смыслѣ, какъ и онъ.

Теперь приведемъ свидѣтельство другаго св. отца IV-го столѣтія, св. *Амвросія Медиоланскаго* (преставился въ 397 году; память его 7 декабря). Вотъ, что читаемъ мы въ его *56-й бесѣдѣ*:

„Велико таинство Креста и, по нашему представленію, самый міръ спасается симъ знаменіемъ. Ибо когда море- плаватели плывутъ по морю, то прежде всего воздви- гають (на кораблѣ) древо (т. е. мачту) и натягивають парусъ, дабы, чрезъ устройство Креста Господня, разсѣчь морскія волны; подъ этимъ спасительнымъ Господнимъ знаменіемъ они достигаютъ пристани и избѣгаютъ смерт- ной опасности. Ибо парусъ, повѣшенный на мачтѣ, есть образъ таинства: онъ какъ бы указываетъ на Христа, вознесеннаго на Крестѣ, вслѣдствіе чего люди, одуше- вленные мужествомъ, при видѣ сего таинства, не обра- щаютъ вниманіе на бурю и рѣшаются на путешествіе.

Какъ Церковь не можетъ стоять безъ Креста, такъ и корабль безъ мачты не безопасенъ, ибо діаволь тотчасъ начинаетъ его беспокоить, ибо вѣтеръ сильно колеблетъ его. Напротивъ, лишь только воздвигается знаменіе Креста, тотчасъ и злость діавола отгоняется, и вѣтреная буря укрощается. И хорошій земледѣлецъ, готовясь перевертывать земную почву и добывать (себѣ) жизненное пропитаніе, старается сдѣлать это посредствомъ крестнаго древа, ибо, придѣлавши къ нижней части сохи острое лезвіе, онъ прикрѣпляетъ сверху палицу и рукоятку, при чемъ подражаетъ фигурѣ Креста; *поэтому и самое сплоченіе сохи есть нѣкоторое подобіе страданія Господа нашего*. Также и самое небо расположено по образу сего знаменія, ибо, раздѣляясь *на четыре страны*: востокъ, западъ, югъ и сѣверъ, оно какъ бы сдерживается *четырьмя углами Креста*. Самое положеніе человѣка съ поднятыми руками изображаетъ Крестъ; вотъ почему намъ заповѣдуется молиться съ воздѣтыми руками, дабы мы самымъ движеніемъ нашихъ членовъ исповѣдывали страсть Господню, потому — что наша молитва бываетъ скорѣ услышана въ томъ случаѣ, когда и самое тѣло наше подражаетъ Христу, Котораго мы содержимъ въ мысляхъ“

Въ этой выдержкѣ св. отецъ говоритъ о тѣхъ же предметахъ, на которые указывали многіе другіе отцы и учителя Церкви, перечисленные нами доселѣ.

Прежде всего онъ усматриваетъ изображеніе Креста въ кораблѣ, именно: въ его мачтѣ, причемъ сближаетъ Крестъ съ мачтой на томъ основаніи, что послѣдняя устроивается на подобіе *четвероконачнаго Креста*. При этомъ онъ сближаетъ Крестъ съ мачтой и по значенію, какое имѣетъ то и другое древо. Какъ корабль, лишенный мачты, легко можетъ не достигнуть пристани и потонуть въ морскихъ водахъ, такъ и Церковь не можетъ устоять противъ козней діавольскихъ безъ Креста. Остановливаясь, собственно, на парусѣ, св. Амвросій видитъ въ немъ образъ Самого Христа, вознесеннаго на Крестъ.

Отъ корабля св. отецъ обращаетъ свое вниманіе на орудіе земледѣльцевъ — соху, въ которой верхняя рукоятка устроивалась, обыкновенно, крестообразно, пересѣкая поперекъ палицу сохи, такъ — что представляла подобіе *четвероконечнаго Креста*. Далѣе святитель останавливаетъ свой взоръ на четырехъ странахъ свѣта, которыя и самый небосклонъ раздѣляютъ на четыре части: это суть востокъ, западъ, югъ и сѣверъ; въ нихъ онъ также видитъ указаніе на крестную фигуру, имѣющую четыре стороны. Послѣдній образъ, къ которому обращается св. Амвросій, уже встрѣчался у св. Іустина и Минуція Феликса: это положеніе молящагося человѣка съ распростертыми руками; св. отецъ, объясняя таинственное значеніе такого молитвеннаго положенія, говоритъ, что Церковь потому заповѣдуетъ своимъ чадамъ молиться съ простертыми руками, чтобы не только душа, но и тѣло наше могло нѣкоторымъ образомъ участвовать въ Христовыхъ страданіяхъ, принимая крестную форму.

Изъ святоотеческихъ свидѣтельствъ IV-го столѣтія о святости и достопокланяемости святаго четвероконечнаго Креста остается намъ привести и истолковать еще свидѣтельство *блаженнаго Іеронима* (преставился уже въ V столѣтіи, именно въ 419 году; въ рукописныхъ греческихъ минеяхъ и въ древнихъ славянскихъ святцахъ память его полагается 15 іюня*); кромѣ того, онъ воспоминается и въ субботу сырной недѣли, вкупѣ съ прочими святыми отцами, нѣ постѣ просіявшими**).

Въ его *толкованіи на посланіе къ Ефесеямъ*, въ книгѣ II-й, главѣ 3-й, мы читаемъ слѣдующее:

„Когда мы, *вкоренени и основани въ любви*, со всею увѣренностію души узнаемъ, что Христосъ обитаетъ

*) См. *Полный мѣсяцесловъ Востока*, арх. Сергія. — *Историческое ученіе объ отцахъ Церкви*, Филарета Черниговскаго.

**) См. въ Тріоди постной, на утр. въ субб. сыр. нед., 9 пѣсни канона, ст. 2-й.

во внутреннемъ человѣкѣ, тогда мы начнемъ съ прочими святыми стремиться къ тому, дабы съ готовымъ сердцемъ разумѣть, что есть широта и долгота, глубина и высота, и возжелаемъ узнать не только это, но и *пре-спѣющую разумъ любовь Христову*, дабы, послѣ, какъ все это совершится въ насъ, мы исполнились *во всяко исполненіе Божіе*. Мы прежде рассмотримъ, что означаетъ широта и долгота, глубина и высота по отношенію къ земнымъ вещамъ, а потомъ перейдемъ къ ихъ духовному значенію. Широта неба и земли или всего міра простирается отъ востока до запада; долгота — отъ юга до сѣвера; глубина — въ пропастяхъ и преисподней; высота простирается выше небесъ. Но поелику многіе утверждаютъ, согласно съ Екклесіастомъ, что небо — круглое и имѣетъ видъ свода, а между тѣмъ никогда круглая форма не можетъ имѣть ни широты, ни долготы, ни высоты, ни глубины, но во всѣхъ частяхъ своихъ соразмѣрна, — то мы, по необходимости, заключимъ, что подъ высотой разумѣются Ангелы и вышнія небесныя силы, а подъ глубиною тѣ силы, которыя ниже ихъ; широта же и долгота — это тѣ чины небесной іерархіи, которые занимаютъ середину между вышними и нижними. И такъ какъ, безъ сомнѣнія, иное ближе къ высшимъ, а другое ближе къ низшимъ, то и всѣхъ тѣхъ, кои начинаютъ подвизаться на пути добродѣтели и возвышаться горѣ, къ небу, прилично назвать долготою; къ тѣмъ же, которые всего ближе къ землѣ и впадаютъ въ пороки, прилагается названіе широты, ибо *широкій и простран-ный путь ведетъ къ смерти* (Мат. 7, 13). Все это можно уразумѣть въ таинствѣ Креста Господа нашего Іисуса Христа, ибо Онъ, *восшедъ на высоту, плънилъ есть плънъ* (Псал. 67, 19) и низшелъ въ преисподняя земли, и послѣ высоты и глубины, проповѣдь Креста распространилась по всей землѣ. Вотъ почему Крестъ Христовъ содержитъ въ себѣ и высоту, и глубину, и долготу, и широту. И не удивительно, если Крестъ Христовъ имѣетъ всемірное

господство, ибо и человекъ, распятый со Христомъ, имѣетъ ту же власть, поелику онъ узнаетъ прежде всего широту, начиная съ низшаго и познавая наименьшее; затѣмъ долготу, т.-е. тѣхъ, которые, живя на землѣ, достигаютъ славнаго и высшаго; послѣ же того глубину, т.-е. противныя и враждебныя силы, воюющія съ нами въ семь мірѣ, и наконецъ, высоту, поелику, познавъ дѣйствія сихъ силъ, мы попираемъ ихъ ногами и только тогда удостоиваемся возвыситься къ горнему и небесному“.

Сущность словъ блаж. Іеронима, какъ легко замѣтить, сводится къ тому, что Крестъ Христовъ освятилъ собою всѣ *четыре* конца вселенной. При этомъ *широта* всего міра, освященнаго крестнымъ древомъ, простирается отъ востока до запада, *долгота* — отъ юга до сѣвера, *глубина* — въ пропасть земныхъ и преисподней, а *высота* — превыше небесъ: все это — соотвѣтственно *четыремъ* окончностямъ Креста, отъ котораго исходитъ освященіе міру.

Къ IV-му столѣтію, кромѣ указанныхъ нами свидѣтельствъ, принадлежитъ, какъ мы замѣтили выше, и свидѣтельство *св. великомученика Іакова Персянина*, пострадавшаго при Исдегердѣ, царѣ персидскомъ, *въ лѣто 5896 (388)*, какъ сказано въ нашихъ Часословахъ, подъ 27 днемъ ноемврія.

Великія мученія претерпѣлъ св. великомученикъ. Ему, по повелѣнію царя, отрѣзали одни за другими всѣ члены тѣла притомъ такъ, что каждый палецъ рукъ и ногъ отдѣльно. При такихъ страшныхъ мученіяхъ св. Іаковъ не молчно прославлялъ Бога. Вотъ какіе слова произнесъ онъ, когда ему отрѣзали четвертый перстъ десной ноги:

„Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, *силою четвероконечнаго Креста спасающаго мя*, яко исповѣмся Ему, отъ четырехъ стихій создавшаго мя (см. Чет.-Мин., ноемврія въ 27 день)“.

Эти слова такъ ясно говорятъ о святости четвероконечнаго Креста, что, читая ихъ, не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ этой святости. Въ самомъ дѣлѣ:

св. Іаковъ прямо выражаетъ мысль, что *Господь спасаетъ его силою именно сею, четвероконечнаго Креста*. Отсюда слѣдуетъ, что, по мысли св. великомученика, сей Крестъ не есть только ветхозавѣтная сѣнь Креста Господня, но самый истинный Крестъ Господень, каковъ и осьмиконечный. Слѣдовательно, здѣсь новое обличеніе неправильнаго взгляда старообрядцевъ на четвероконечный Крестъ.

V-е столѣтіе.

Къ этому столѣтію принадлежатъ свидѣтельства о святомъ четвероконечномъ Крестѣ *блаж. Августина*, епископа Иппонскаго, въ Африкѣ (преставился въ 430 году. Въ древнегреческихъ православныхъ святцахъ память его указана 15 іюня).

Ихъ довольно много. Мы приведемъ ихъ здѣсь подъ рядъ.

119-ое посланіе къ Іаннуарію, объ обычаяхъ православной Церкви: „Обрати вниманіе на священнѣйшіе три дня Распятаго, Погребеннаго и Воскресшаго. Изъ сихъ трехъ значеніе Креста открывается для насъ въ настоящей жизни, а значеніе погребенія и воскресенія составляетъ предметъ вѣры и надежды. Ибо нынѣ (Христосъ) говоритъ человѣку: возми Крестъ и слѣдуй за Мною (Мат. 16, 24). А плоть распинается тогда, когда умерщвляются уды наши, яже на земли, блудъ, нечистота, страсть, лихоиманіе (Кон. 3, 10) и прочее тому подобное, о чемъ тотъ же Апостолъ говоритъ: *аще по плоти живете, имате умерети: аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляетъ, живи будете* (Рим. 8, 13). Потомъ онъ говоритъ и о себѣ самомъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14), и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *вѣдаяще, яко ветхій нашъ человекъ съ Нимъ распялся, да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати намъ грѣху* (Рим. 6, 6). Итакъ, пока это составляетъ предметъ нашихъ заботъ, дабы упразднить тѣло грѣховное, пока внѣшній человекъ тлѣетъ, дабы внутренній обновлялся

по вся дни (2 Кор. 4, 16), — до тѣхъ поръ время Креста. И это составляетъ похвальный подвигъ, однако до сего времени исполненный трудностей, награда за который есть покой. Но Апостолъ потомъ говорить: *упованіемъ радующеся* (Рим. 12, 12), дабы мы, размышляя о будущемъ покоѣ, съ радостію подвизались среди трудовъ. Эту радость означаетъ *широта Креста въ поперечномъ древѣ, гдѣ привозждаются руки*, ибо посредствомъ рукъ мы узнаемъ о дѣлѣ трудящагося человѣка; чрезъ широту узнаемъ о его радости, поелику печаль производитъ стѣсненіе; а чрезъ *высоту, къ которой прислоняется глава (распятаго)*, узнаемъ объ ожидаемомъ воздаяніи со стороны высшаго, Божественнаго правосудія, воздающаго каждому по дѣламъ его, а тѣмъ, которые, за свое терпѣливое прохожденіе подвига, ожидаютъ себѣ (небесной) славы, чести и нетлѣнія, — дарующаго жизнь вѣчную. Посему и *долгота, на которой простерто все тѣло (распятаго)*, означаетъ самое терпѣніе; почему терпящіе и называются долготерпѣливыми. А *глубина, водруженная въ землю*, прообразуетъ тайну (крестнаго) таинства, ибо ты, если я не ошибаюсь, помнишь, какими словами Апостолъ указываетъ на такое значеніе Креста, когда говорить: *въ любви вкоренени и основани, да можете разумѣти со всѣми святыми, что широта, и долгота, и глубина, и высота* (Ефес. 3, 17—18)⁴.

Еюже посланіе 120-е къ Гонорату о благодати Новаго Завета, глава 26-я: „Апостолъ говорить: *разумѣти преспѣвающую разумъ любовь Христову, да исполнится во всяко исполненіе Божіе* (Ефес. 3, 19). Въ этомъ таинствѣ является форма Креста, ибо Тотъ, Кто умеръ волею, и видъ смерти избралъ, какой Самъ хотѣлъ. Не напрасно Онъ избралъ такой видъ смерти, ибо въ немъ также заключается широта, долгота, высота и глубина. Потому что *широта — въ томъ древѣ, которое укрѣпляется поперѣкъ*; оно имѣетъ отношеніе къ добрымъ дѣламъ, поелику на немъ распростираются руки. *Долгота*

заклучается въ томъ древь, которое простирается отъ поперечнаго древа до земли, ибо на немъ (распятый) какъ бы стойтъ, т.-е. остается твердымъ и неподвижнымъ, что составляетъ качество душевной бодрости. *Высота* — въ той части древа, которая поднимается отъ поперечнаго древа вверхъ; эта часть соприкасается съ главою распятаго, поелику предметъ благаго упованія на небѣ. Что же касается той части древа, которая не является наружу, но всецѣло сокрыта подъ землею, то она означаетъ глубину безвозмезднаго дара благодати“.

Еюже „Христіанская наука, кн. 2, гл. 41: „Сія трава (уссопъ) мелка и невзрачна, но зато нѣтъ ничего крѣпче и несокрушимѣе ея корней, дабы мы, въ любви вкоренени и основани, возмогли разумѣти со всѣми святыми, что широта, и долота, и высота и глубина (Ефес. 3, 17—18), т.-е. Крестъ Господень, широта котораго усматривается въ поперечномъ древь, на которомъ распростираются руки (распятаяго); долота — съ земли до самой широты, на каковой части пригвождается все тѣло, начиная отъ рукъ внизъ; высота — отъ широты вверхъ, до самой вершины, къ каковой части прислонена глава (распятаяго); а глубина — это та часть, которая сокрыта въ земль. Этимъ знаменіемъ Креста осѣняется всякое дѣйствіе христіанское, и нужно съ постоянствомъ держаться сего знаменія, воодушевляться небеснымъ упованіемъ не нарушать святости таинствъ“.

Ею же толкованіе на 103-й псаломъ: „Да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта, и долота, и высота, и глубина (Ефес. 3, 18). Вѣроятно, здѣсь (Апостоль) указываетъ на Крестъ Христовъ, ибо широта заключалась въ той части, на которой протянуты были руки; долота есть часть, возвышающаяся отъ земли, и на которой повѣшено было тѣло; высота — это та часть, которая возвышается вверхъ отъ поперечнаго древа; глубина — та часть, на которой укрѣпленъ былъ Крестъ, и здѣсь все упованіе нашей жизни. Ибо широта

заключается въ добрыхъ дѣлахъ, долгота — въ терпѣніи до конца, высота указываетъ на то, что надо имѣть горѣ сердца, дабы всѣ наши дѣянія были благими и мы до конца пребывали въ нихъ. Имѣя широту, чрезъ которую мы творимъ добрыя дѣла, и долготу, въ силу которой мы подвигаемся до конца, — не будемъ ничего дѣлать безъ упованія небесной награды, ибо самая высота состоитъ въ томъ, чтобы искать награды не здѣсь, но горѣ, иначе бы Христосъ не сказалъ: *аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою* (Мат. 6, 2). *Глубина же тамъ, гдѣ, какъ я сказалъ, утверждена была часть Креста, которая была невидима, но давала начало видимымъ частямъ. Что же сокрыто въ Церкви и не открыто для всѣхъ? Таинство крещенія, таинство евхаристіи*“.

Ею же о крещеніи (de cataclysmo), трактатъ, 4-й гл. 6-я: „Восходи безбоязненно всякій, кто желаетъ неба. Пусть не страшитъ тебя ни тѣснота (лѣствицы), ни долгота ея, ни высота. Не бойся ничего: ея ступени не колеблются, ибо тотъ Строитель (Христосъ) такъ утвердилъ ихъ, что благоизволилъ пригвоздить Свой руки къ древу (сей лѣствицы). Посмотри, какъ описываетъ сію лѣствицу ученикъ сего Строителя, Апостолъ Павелъ, который какъ-будто бы исчисляетъ ступени и восходитъ по нимъ, и приглашая за собою великое число (людей), говоритъ: преклоняю колѣна моя ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да дастъ вамъ разумѣти со всеми святыми, что высота и широта, долгота и глубина (Ефес. 3, 14. 18). Апостолъ положилъ четыре ступени Креста, и сія лѣствица не затруднительна: она имѣетъ четыре ступени и ведетъ къ небу. На высотѣ Креста полагается глава Распятаго: пусть христіанинъ имѣетъ свое сердце горѣ, ко Господу, дабы ежедневно (быть готовымъ) отвѣчать на Его зовъ и чрезъ то взойти на первую ступень. Къ широтѣ Креста прикрѣплены руки Распятаго: пусть руки христіанина постоянно пребываютъ въ добрыхъ дѣлахъ, — вотъ вторая ступень. На долготѣ Креста ви-

силь тѣло Распятаго: пусть (христiанинъ) укрощаетъ свое тѣло подвигами, пусть обуздываетъ его постомъ, дабы покорить его владычеству духа, — вотъ третiя степень восхожденiя. Въ глубинѣ Креста сокрыто то, чего ты не видишь, но отсюда же возвышается все то, что ты видишь: пусть дѣйствуетъ въ тебѣ вѣра христiанская, въ силу которой все непонятное для разума содѣлалось предметомъ сердечной вѣры, и пусть сiя вѣра не ищетъ *высшихъ* себе и питается упованiемъ, — вотъ четвертая степень восхожденiя. По симъ степенямъ взошли всѣ святые, какъ дѣвственники, такъ и вѣрные супруги; они избѣжали мiрской гибели, удалились въ безопаснѣйшiя мѣста, гдѣ уже не боятся варваровъ и не устрашаются ни несчастными случайностями человѣческой жизни, ни поврежденiями, также не имѣютъ ни печалей, ни бѣдствiй, не боятся и самой смерти, но живутъ съ Богомъ и чрезъ Бога“.

Его же бесѣда 59-я, въ навечерiе Пятидесятницы, гл. 4-я: „Лежащiй Крестъ касается четырехъ странъ мiра, именно: востока, запада, сѣвера и юга, и Христосъ, чрезъ Свое страданiе, привлекъ къ Себѣ всѣ народы и все покорилъ Себѣ, о чемъ Самъ сказалъ, послѣ Своего воскресенiя изъ мертвыхъ: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18). Притомъ въ сей формѣ Креста содержится величайшее таинство, которое чѣмъ выше, тѣмъ большаго вниманiя достойно, ибо широта Креста указываетъ на любовь къ ближнему, которая должна простираться не только къ друзьямъ, но и ко врагамъ. Подъ долгою крестною разумѣется великое и постоянное перенесенiе трудовъ и гоненiй, которое необходимо при нашемъ странствованiи къ небесному отечеству, какъ ради любви къ ближнимъ, такъ и ради совершенiя всѣхъ добрыхъ дѣлъ. Подобнымъ образомъ высота крестная изображаетъ возвышенность упованiя, проникающаго *внутренняя завѣсы*... Слѣдуетъ обратить также вниманiе на глубину Креста, поелику глубина

есть таинство Креста, въ коемъ посрамлены дарованія многихъ, слывшихъ за мудрецовъ“.

Тамъ же: „Самый Крестъ содержитъ въ себѣ великое таинство: положеніе его таково, что верхняя часть достигаетъ неба, нижняя касается земли, будучи утверждена въ ея нѣдрахъ, а широта его достигаетъ странъ міра. Поелику Христосъ чрезъ крестное таинство облагодѣтельствовалъ Ангеловъ, число которыхъ, сократившееся съ паденіемъ возмутившагося ангела, ежедневно восполняется душами вѣрныхъ. Онъ принесъ спасеніе и намъ, сущимъ на землѣ, и тѣмъ, которые, по причинѣ первороднаго грѣха, содержались въ преисподней, также и тѣмъ, которые жили на всѣхъ концахъ міра“.

Его же поученіе 75-е, на день Благовѣщенія Пресв. Богородицы: „Сію широту любви изобразилъ Господь Иисусъ, возвысивъ главу Свою къ востоку, а ноги опустивши къ западу, руки же распростерши къ сѣверу и югу, дабы исполнить то, что Онъ предсказалъ до Своихъ страданій: *егда вознесенъ буду отъ земли, когда Я буду распятъ, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12, 32), т.-е. призову къ Себѣ весь міръ“.

Его же бесѣды на Евангелиста Іоанна, трактатъ 118-й, о главѣ 19-й: „Апостолъ сказалъ: *что широта, и долота, и высота, и глубина* (Ефес. 3, 18). *Широта Креста* заключается въ поперечномъ деревѣ, на коемъ распростерты руки висящаго (на Крестѣ), и означаетъ добрыя дѣла въ широтѣ любви. *Долота крестная* простирается отъ поперечнаго древа до земли, гдѣ къ низу прикрѣпляются ноги, и означаетъ постоянство и терпѣніе до конца. *Высота* заключается въ вершинѣ, которая возвышается надъ поперечнымъ деревомъ, и означаетъ чудный конецъ, къ которому приводятъ всѣ (добрыя) дѣла, поелику все, что дѣлается съ добрымъ терпѣніемъ и съ постоянствомъ, посредствомъ долготы и широты, то должно дѣлаться ради высоты небеснаго воздаянія. *Глубина* содержится въ той части, которая утверждается

въ землю; здѣсь она сокрыта и невидима, но всѣ видимыя части Креста, возвышающіяся вверхъ, отсюда получаютъ свое начало: такъ и всѣ наши блага проистекаютъ изъ глубины благодати Божіей, которая недоступна для пониманія и разсужденія“.

Его же бесѣды на слова Апостольскія, бесѣда 8-я главы 3, 4 и 5: „Послушай самого Апостола, говорящаго тебѣ: мнѣ же да не будетъ хвалиться, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа (Гал. 6, 14). И мы пусть хвалимся всѣ о Крестѣ, возлюбленные братіе. Въ немъ мы, можетъ быть, найдемъ и широту, и долготу, и высоту, и глубину, ибо чрезъ эти слова Апостола Крестъ какъ будто бы поставленъ предъ нашими очами, поелику имѣетъ широту, къ которой привоздаются руки; имѣетъ долготу, которая есть древо, простирающееся отъ широты до земли; имѣетъ и высоту, поелику отъ поперечнаго древа возвышается часть, на которой полагается глава распятаго; имѣетъ и глубину, т.-е. часть, которая утверждается въ землю и невидима для глаза...“

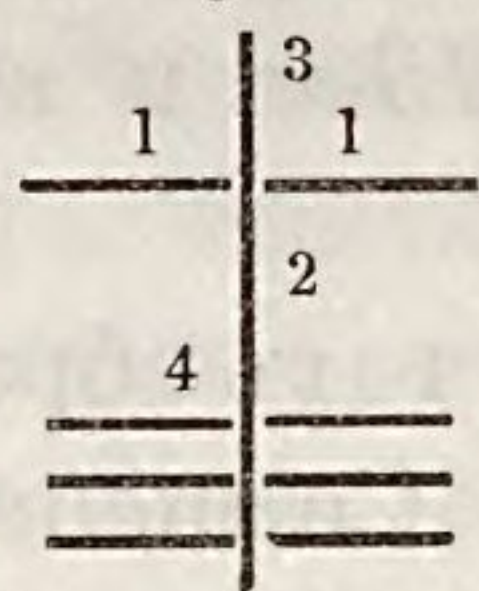
Изъ многочисленныхъ выдержекъ, сдѣланныхъ нами изъ твореній блаженнаго Августина, мы видимъ: 1) что онъ относитъ слова Апостольскія о широтѣ, долготѣ, высотѣ и глубинѣ (Ефес. 3, 18) къ Кресту Христову, при чемъ понимаетъ ихъ въ двоякомъ смыслѣ: въ буквальномъ и въ переносномъ, духовномъ. 2) Видимъ также, что Крестъ, о которомъ говоритъ блаж. Августинъ, не иной какой, а только двусоставный или четвероконечный. 3) Наконецъ, изъ словъ блаженнаго епископа Иппонскаго мы выводимъ и то, что рѣчь у него все время идетъ не о ветхозавѣтномъ прообразѣ истиннаго Креста Господня, но о самомъ истинномъ Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа.

Мы уже неоднократно видѣли, что многіе свв. отцы и учителя Церкви объясняли указанное мѣсто изъ посланія Ап. Павла къ Ефесеямъ, какъ въ буквальномъ, такъ и

въ духовномъ смыслѣ. Но свидѣтельства блаж. Августина имѣютъ въ этомъ отношеніи ту особенность, что въ нихъ, при изложеніи сего духовнаго смысла, обращается особое вниманіе на внутреннюю, духовную жизнь христіанина. Толкуя слова Апостола въ приложеніи къ древу Креста, блаж. Августинъ видитъ въ *четвероконачной* крестной формѣ указаніе на главнѣйшія добродѣтели всякаго истиннаго послѣдователя Христова. Такъ, *высота*, по его мнѣнію, указываетъ на то пламенное *упованіе* небеснаго воздаянія и лицезрѣнія Божія, которымъ долженъ одушевляться христіанинъ, проходя свое земное поприще. *Широта* — это образъ христіанскаго милосердія и *любви* къ Богу и ближнимъ, въ силу чего христіанинъ всю свою жизнь проводитъ въ совершеніи благихъ дѣлъ. *Долгота* — это образъ *терпѣнія* и постоянства, соединеннаго съ полною преданностію волѣ Божіей, каковая преданность всегда должна укрѣплять христіанина среди всѣхъ напастей и искушеній и поддерживать въ немъ ревность къ исполненію воли Господней. Наконецъ, *глубина* должна напоминать послѣдователю Христову, что тайны Божія непостижимы для ограниченнаго ума человѣческаго, и что посему знаніе не достаточно для него, но необходима *вѣра*. По мысли блаженнаго отца, эти четыре добродѣтели: упованіе, любовь, терпѣніе и вѣра составляютъ какъ бы нѣкія ступени, по которымъ христіанскій подвижникъ долженъ восходить къ небу; дѣйствица, на которой находятся сіи ступени, — это *Крестъ Господень*, орудіе нашего спасенія. Всего яснѣе такое толкованіе содержится въ 4-мъ трактатѣ сочиненія *о крещеніи* (de cataclysmo); но и во всѣхъ другихъ выдержкахъ изъ твореній блаж. отца мы находимъ подобное же объясненіе крестнаго таинства, хотя въ иныхъ выраженіяхъ.

Что касается буквального примѣненія Апостольскихъ словъ къ крестной фигурѣ, то блаженный Августинъ ясно указываетъ на *Крестъ четвероконачный*. Вотъ подлинное

его выражение: „*широта* Креста заключается въ той части, на которой протянуты были руки; *долмота* крестная простирается отъ поперечнаго древа до земли, гдѣ къ низу прикрѣпляются ноги...; *высота* заключается въ вершинѣ, которая возвышается надъ поперечнымъ древомъ...; *глубина* содержится въ той части, которая утверждается въ землѣ; здѣсь она сокрыта и невидима, но всѣ видимыя части Креста, возвышающіяся вверхъ, получаютъ отсюда свое начало (см. въ бесѣдахъ на ев. Іоанна, въ толкованіи на 103 псаломъ и въ др. указанныхъ нами словахъ блаж. отца)“. Изъ этого описанія мы получаемъ слѣдующую фигуру крестнаго древа:

- 1) — это *широта* Креста;
- 2) — его *долмота*;
- 3) — его *высота*;
- 4) — его *глубина*.

Кромѣ приведенныхъ нами выдержекъ изъ твореній блаж. Августина, можно указать старообрядцамъ еще на такія мѣста изъ его твореній, въ которыхъ онъ объяснялъ ветхозавѣтныя прообразованія. Эти объясненія имѣютъ для насъ то неоцѣненное достоинство, что блаж. отецъ всегда такъ подробно разбираетъ всякое прообразованіе, что не оставляетъ безъ объясненія даже частныя его черты, а для нашей цѣли это особенно дорого.

Вопросы на книгу Числѣ. кн. 4-я, вопр. 35-й: „А то, что вода изведена изъ камня (Числѣ, 20, 11), Ап. Павелъ объяснилъ въ слѣдующихъ словахъ: *и вси тожде пиво духовное пиша: пїяху бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ* (2 Кор. 10, 4). Итакъ, это обозначало духовную благодать, истекающую отъ Христа и утоляющую внутреннюю жажду. А тотъ жезлъ, коимъ произведенъ былъ ударъ по скалѣ, изображаетъ Крестъ Христовъ, ибо чрезъ прикосновеніе жезла къ камню истекла благодать, при чемъ самое *двукратное* удареніе еще яснѣе указываетъ на Крестъ, ибо *два древа составляютъ Крестъ*“.

Противъ манихея Фавста, гл. 34-я: „Знаменіе Креста выражается не только именемъ древа, но и числомъ *древъ*... Та вдова (въ Сарептѣ Сидонской. — 3 Царствъ, гл. 17-я) не имѣла ничего: что у ней осталось, то истощилось, и она вмѣстѣ съ своими сыновьями готовилась умереть. И вотъ она выходитъ изъ дома для того, чтобы взять *два полънца* для испеченія себѣ хлѣба, и въ это самое время увидѣлъ ее человекъ Божій (Ілія), — увидѣлъ именно тогда, когда она искала *два полънца*. Жена сія была прообразомъ Церкви, и поелику *два древа составляютъ Крестъ*, она искала ихъ дабы ради нихъ всегда одерживать побѣду“. (См. о томъ же въ др. твореніяхъ блаж. Августина, именно: въ *бесѣдѣ 13-й* и въ *поученіи 21-мъ*).

Поученіе 201-е: „Обратите вниманіе на тотъ образъ Креста, который является здѣсь (въ жизни Сампсона: Суд. 16, 29—30), ибо Сампсонъ, распростерши руки къ *двумъ столбамъ*, протянулъ ихъ какъ бы къ *двумъ древамъ Креста*. Чрезъ это онъ задавилъ своихъ противниковъ: такъ и страданіе Христово умертвило враговъ“.

Въ этихъ трехъ выдержкахъ блаж. Августинъ прямо, не обинуясь, говоритъ, что *два древа составляютъ Крестъ*, что и старается выяснить, указывая на ветхозавѣтныя прообразованія. Въ первой выдержкѣ онъ говоритъ объ изведеніи воды изъ камня въ пустынѣ, чрезъ удареніе жезла Моисеева, и выходитъ въ *двукратномъ* удареніи указаніе на *два древа въ Крестѣ Господнемъ*. Во второй выдержкѣ, говоря о Сарептской вдовицѣ, онъ видитъ также указаніе на эти *два крестныхъ древа* въ тѣхъ *двухъ полънцахъ*, которыя нашла вдовица. Наконецъ, въ третьей выдержкѣ блаж. отецъ, говоря о Сампсонѣ, какъ о прообразѣ Христа, видитъ и въ исторіи сего судіи Израильскаго указаніе на то, что Крестъ Христовъ долженъ былъ состоять изъ *двухъ древъ*; такое указаніе онъ усматриваетъ въ тѣхъ *двухъ столбахъ*, къ которымъ Сампсонъ простеръ руки и которые обхватилъ, послѣ чего весь

домъ рушился и задавилъ самого Сампсона и враговъ его вмѣстѣ съ нимъ. Слова блаж. Августина невольно приводятъ на память свидѣтельство св. Аѳанасія Великаго, на которое мы уже указывали выше, гдѣ сей св. отецъ также говоритъ, что *два древа составляютъ Крестъ Христовъ*.

Кромѣ свидѣтельствъ, принадлежащихъ блаж. Августину, изъ V-го столѣтія можно указать на свидѣтельство другого отца Церкви, *блаженнаго Θεодорита, епископа Кирскаго* (преставился въ 457 году). Это свидѣтельство сравнительно очень краткое, однако и изъ него можно сдѣлать ясный выводъ, что и по мысли блаж. Θεодорита Крестъ Христовъ состоитъ *отъ двухъ древъ*. Вотъ, что говоритъ Кирскій святитель:

Толкованіе на псалмы, на пс. 22-й: „Жезлъ Твой и палица Твоя, та мя утѣшиста (ст. 4). Глаголати убо можеши жезлъ и палица самый Крестъ, егоже печатію и воспоминаніемъ враговъ побѣждающе, ко истиннымъ наставляемъ стезямъ, отъ дву бо палицъ составляется“. (Заимствовано изъ „Выписокъ Озерскаго“, т. 2-й, стр. 252, по третьему изданію).

Такимъ образомъ и здѣсь нельзя не видѣть указанія на *двусоставный* или *четвероконачный* Крестъ Христовъ: блаж. Θεодоритъ прямо говоритъ, что онъ составляется *отъ дву палицъ*, т.-е. изъ двухъ древъ.

VI-е столѣтіе.

Къ этому столѣтію принадлежитъ свидѣтельство о святости *четвероконачнаго* Креста, содержащееся въ твореніяхъ *Андрея, епископа Кесаріи Каппадокійскія* (преставился въ 565 г.).

Толкованіе на Апокалипсисъ, гл. 21-я, ст. 13-й: „Отъ востока врата три, отъ сѣвера врата три, отъ юга врата три, отъ запада врата три. Четверочастный же образъ вратъ и троичное ихъ сказаніе и объясненіе являетъ по-

знаніе Пресвятыя Троицы, покланяемая *отъ четвероконечныя вселенныя, еже животворящимъ Крестомъ пріяхомъ*. Истолковано бысть сице: *крестовидный бо образъ положенія вратъ*, по виду дванадесяте воловъ, иже отъ Соломона устроенное (изъ мѣди) море ношаху, начертываетъ троичную апостольскую *въ четверицу* проповѣдь Св. Троицы, и посланіе *четырехъ евангелій въ четыре земныя концы*. Имже умное море (св. крещеніе), очищающее міръ отъ грѣховъ, состоящееся отъ умнаго Соломона образуется“. (Заимствовано изъ „Выписокъ Озерскаго“, томъ II-й, стр. 253—254, по третьему изданію).

Въ стихѣ 13-мъ 21-й главы Откровенія (Апокалипсиса), о которомъ бесѣдуетъ здѣсь Андрей Кесарійскій, возлюбленный ученикъ Христовъ говоритъ о вратахъ небеснаго града Іерусалима, который онъ удостоился узрѣть въ видѣніи и который описываетъ во всей 21-й главѣ своего Откровенія. Врата сіи расположены такъ, что на каждую изъ странъ свѣта обращено по трое вратъ, именно: на востокъ — трое вратъ, на сѣверъ — трое, на югъ — трое, и на западъ — трое, такъ что всѣхъ вратъ, ведущихъ во св. градъ, двѣнадцать. Въ такомъ расположеніи вратъ святитель Кесарійскій усматриваетъ *таинство Креста Господня* на томъ основаніи, что Крестъ Христовъ освятилъ *четыре конца вселенной* и привелъ ихъ къ сознанію и поклоненію Св. Троицѣ, на Которую указываютъ трое вратъ съ каждой стороны. Въ томъ смыслѣ *крестообразное положеніе вратъ* имѣло сходство съ *мѣднымъ моремъ*, которое устроилъ царь Соломонъ въ храмѣ Іерусалимскомъ; это былъ мѣдный сосудъ, имѣвшій 30 лактей въ окружности и поддерживаемый двѣнадцатью мѣдными волами, такъ что на каждую изъ четырехъ странъ свѣта было обращено по три вола; такимъ образомъ и расположеніе сихъ воловъ имѣло *крестообразную форму* и прообразовало Крестъ Господень (см. 2-ю кн. Паралипомонъ, гл. 4, ст. 2—4). Подобно тому, какъ въ ветхомъ завѣтѣ это *мѣдное море* являло въ себѣ образъ *четверо-*

конечнаго Креста, такъ и въ новомъ завѣтѣ сей же *четвероконачный Крестъ* является въ таинственномъ расположеніи вратъ небеснаго Іерусалима и указываетъ на то, что проповѣдь Евангелія возвѣщена будетъ *четыремъ* частямъ вселенной, т.-е. всему міру, и что чрезъ сію „четверичную“ проповѣдь всѣ люди научатся почитать Св. Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа. — И такъ, вотъ въ какомъ смыслѣ толкуетъ 13-й стихъ 21-й главы Апокалипсиса святитель Кесарійскій Андрей, свидѣтельство котораго такъ цѣнятъ сами старообрядцы: говоря о таинствѣ св. животворящаго Креста Христова, онъ неоднократно указываетъ на таинственное значеніе его *четырехъ* окончностей.

Кромѣ свидѣтельства Андрея Кесарійскаго, изъ VI-го столѣтія можно указать на древнія изображенія *четвероконачнаго Креста*, относящіяся къ этому столѣтію и находящіяся въ двухъ древнихъ христіанскихъ храмахъ: въ Константинопольскомъ Софійскомъ соборѣ (обращенномъ нынѣ въ турецкую мечеть) и въ церкви св. Виталія въ городѣ Равеннѣ, въ сѣверной Италіи.

Въ Константинопольскомъ Софійскомъ соборѣ во многихъ мѣстахъ, на колоннахъ и стѣнахъ, вырѣзаны на мраморѣ *четвероконачные Кресты*, пребывающіе въ цѣлости и донесъ.

Въ Равеннской церкви святаго Виталія, построенной въ 547 году, сохранились современныя постройки церкви мозаическія изображенія, представляющія освященіе храма въ присутствіи Византійскаго императора Іустиніана: здѣсь епископъ Максиміанъ изображенъ держащимъ въ правой рукѣ *Крестъ четвероконачный*, а другой епископъ — держащимъ въ правой рукѣ церковь, на главѣ которой Крестъ также *четвероконачный**).

Такъ какъ изъ VII-го столѣтія мы не можемъ ука-

*) См. «Выписки Озерскаго», третье изданіе, томъ II-й, стр. 273 и 274.

затѣ достаточно ясныхъ свидѣтельствъ о почитаніи четвероконечнаго Креста, то обращаемся прямо къ свидѣтельствамъ

VIII-го столѣтія.

Эти свидѣтельства принадлежатъ *св. Іоанну Дамаскину, св. Космѣ Маюмскому, и св. Герману патріарху Цареградскому.*

Вотъ, что говоритъ *св. Іоаннъ Дамаскинъ* (преставился около 777 г.; память его 4 декабря) въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Точное изложеніе православной вѣры“, въ гл. 11-й 4-й книги.

„Іаковъ, поклонившійся на верхъ жезла Іосифова (Быт. 47, 31), первый изобразилъ Крестъ и, благословивъ сыновей Іосифовыхъ *крестообразно* сложенными руками (Быт. 48, 14), весьма ясно начерталъ знаменіе Креста. То же прообразовали: жезлъ Моисеевъ, *крестообразно* поразившій море (Исх. 14, 21—27) и спасшій Израиля, а Фараона потопившій; *крестовидно* простертыя руки, обратившія въ бѣгство Амалика (Исх. 17, 11)“.

Дѣйствительно, крестообразное наложеніе рукъ на главы сыновъ Іосифовыхъ при благословеніи показываетъ, что патріархъ Іаковъ имѣлъ въ своей пророческой мысли Крестъ Христовъ, силою котораго и благословилъ своихъ внуковъ. Точно такъ же *четвероконечный Крестъ* пророчески предъуказывали и жезлъ Моисеевъ, и его простертыя руки во время битвы Іисуса Навина съ амаликитянами.

Тотъ же *св. Іоаннъ Дамаскинъ* въ этой же книгѣ и главѣ, еще яснѣе четвероконечный Крестъ именуетъ силою Божіею и пишетъ сие: „сила же Божія есть слово крестное, или потому, яко могущество Божіе, сіестъ, на смерть побѣда чрезъ него показася намъ: или яко имже образомъ четыре края креста среднимъ кентромъ придержатся другъ друга, и состояются, сие Божіею силою

и высота и глубина, долготы же и широта, сиесть, вся видимая и невидимая тварь содержится.

Обратимъ затѣмъ вниманіе старообрядцевъ на знаменательныя слова св. *Космы Маюмскаго* (преставился въ 777 г.; память его 12 октября), содержащіяся въ 4-й пѣсни его канона на праздникъ Воздвиженія честнаго Креста:

„Священно ополчаются *четверочастнии людие*, предходяще образомъ свидѣтельства *скинии*, *крестообразными чинми* прославляеміи“ *).

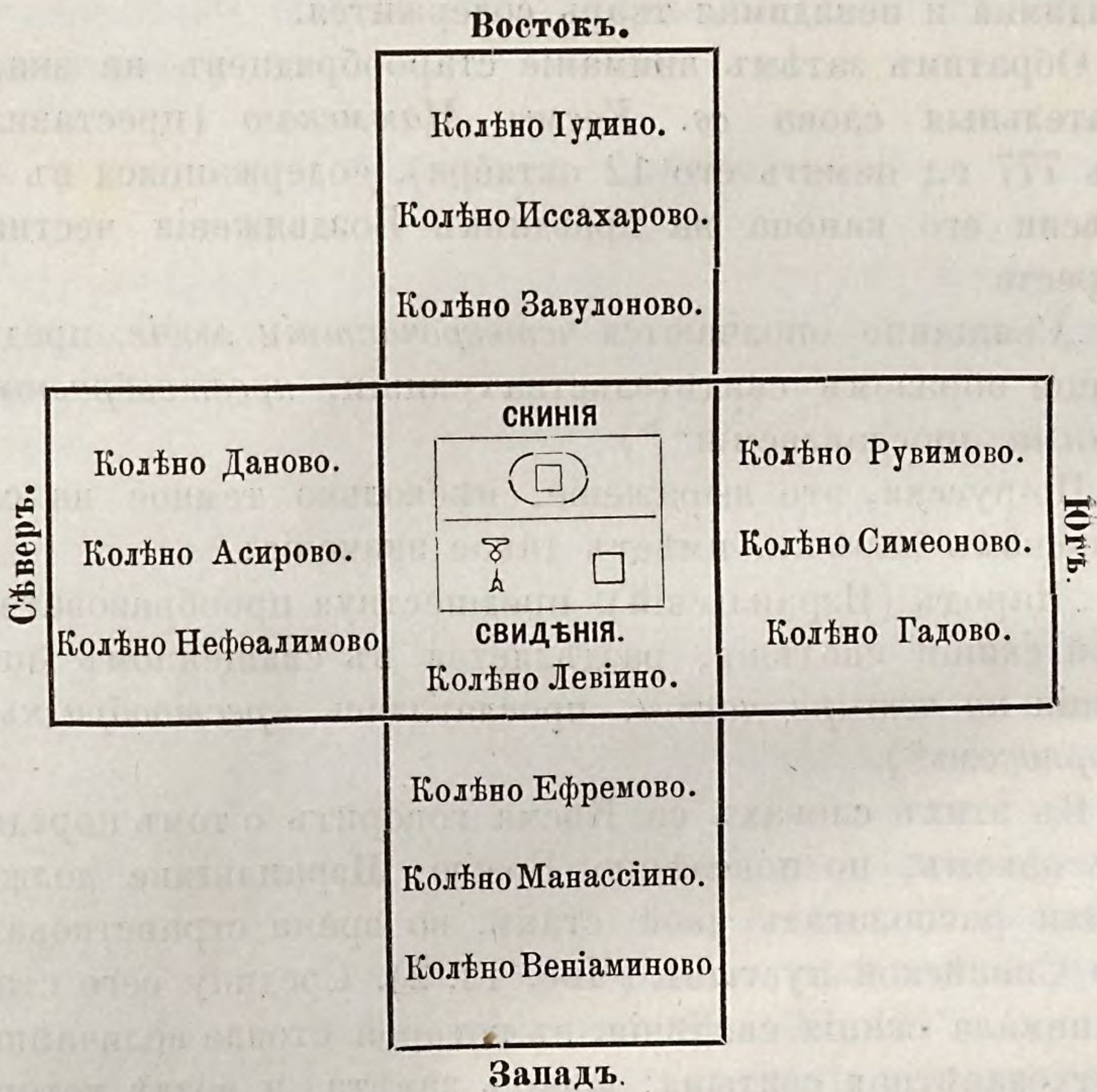
По-русски, это выраженіе, нѣсколько темное на славянскомъ нарѣчій, имѣетъ такое значеніе:

„Народъ (Израильскій), предшествуя прообразовательной скинии свидѣнія, раздѣляется въ священномъ ополченіи на *четыре части*, прославляясь *крестообразнымъ порядкомъ*“ *).

Въ этихъ словахъ св. Косма говоритъ о томъ порядкѣ, въ какомъ, по повелѣнію Божію, Израильтяне должны были располагать свой станъ, во время странствованія по Синайской пустынѣ (Чис. гл. 2). Сердину сего стана занимала скиния свидѣнія, въ которой стояла величайшая ветхозавѣтная святыня: кивотъ завѣта, и возлѣ которой располагалось колѣно Левіино. На восточной сторонѣ отъ скинии помѣщались три колѣна: Іудино, Иссахарово и Завулоново. На западной сторонѣ также три колѣна: Ефремово, Манассіино и Веніаминово. На южной стеронѣ также три: Рувимово, Симеоново и Гадово. Наконецъ, на сѣверной сторонѣ: Даново, Асирово и Нефѣалимово. Такимъ образомъ станъ Израильскій имѣлъ видъ *четверо-конечнаго Креста*, именно:

*) По *Миней служебной*, изданной при патр. Іоасафѣ I (1636), эта церковная пѣснь читается такъ: „Священно воополчаются *четверочастнии людие*, *предъходяще образы*, *свидѣтельствва скинии* *крестообразными чинми* проявляемъ“.

**) См. „Богослужебныя каноны“, переводъ профессора Е. Ловягина С.-Пб. 1875 года.

На это именно и указываетъ св. Косма, когда, упоминая въ приведенномъ стихѣ о расположеніи Израильскаго стана, говоритъ, что народъ Израильскій „прославлялся крестообразнымъ порядкомъ“: *крестообразными чинми прославляемии* (т.-е. *четверочастнии людие*). Дѣйствительно, такое крестообразное расположеніе стана служило прообразованіемъ *святаго Креста четвероконечнаго*, имѣвшаго съ пришествіемъ Христа Спасителя содѣлаться освященіемъ „четвероконечнаго міра“.

Весьма убѣдительное свидѣтельство о святости и досто-
поклоняемости четвероконечнаго Креста находимъ мы и
у св. Германа, патріарха Цареградскаго, извѣстнаго
исповѣдника за святыя иконы (преставился въ 740 г.,

память его 12 мая). Въ 4-мъ словѣ на первую недѣлю великаго поста онъ разсуждаетъ такъ:

„Якоже Отецъ въ Сынъ и Сынъ въ Отца, тако и образъ въ Крестъ и Крестъ въ образъ, яко Крестъ и образъ едина вещь. Сіе же разумѣетъ Моисей боговидецъ, егда чувственнаго Амалика побѣди, крестообразно на горѣ руцѣ простеръ, Крестъ собою яко во образѣ вообразивъ, сирѣчь Іисуса въ Крестѣ, ради нашея плоти, и Крестъ во Іисусѣ“ (Заимствовано изъ „Выписокъ Озерскаго“, томъ II-й, стр. 252—253, по третьему изд.).

Выше, когда мы объясняли свидѣтельство св. Кипріяна Карфагенскаго, мы замѣтили, что глаголемые старообрядцы тѣмъ именно и недугуютъ относительно разумѣнія ветхозавѣтныхъ прообразованій Креста Христова, что рѣзко раздѣляютъ образъ ветхозавѣтный отъ вещи, на которую указываетъ сей образъ, т.-е. отъ Креста. По толкованію старообрядческихъ учителей, какъ мы сказали, иное дѣло образъ Креста, и иное дѣло самый Крестъ: образъ или сѣнь являетъ четвероконечную фигуру Креста, а самый Крестъ, предъуказываемый симъ образомъ, осьмиконеченъ. Не то говоритъ св. Германъ: по его словамъ, образъ крестный и самый Крестъ не только не суть различныя вещи, но даже такъ тѣсно соединены вмѣстѣ, что „образъ во Крестѣ и Крестъ во образѣ, якоже Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ“. Поэтому и образъ Креста, явленный въ крестообразномъ воздѣяннѣ Моисеевыхъ рукъ при побѣдѣ надъ Амаликомъ, такъ тѣсно соединенъ съ истиннымъ Крестомъ Христовымъ, на который самъ указывалъ, что служилъ прообразованіемъ не только крестной силы, но и самой формы Креста и, слѣдовательно, прямо предъуказывалъ четвероконечный Крестъ. Эта мысль подтверждается у св. Германа тѣмъ, что Моисей своимъ крестообразнымъ воздѣяннѣмъ рукъ прообразовалъ „Іисуса въ Крестѣ и Крестъ во Іисусѣ“, ибо какъ Моисей изобразилъ въ самомъ себѣ четвероконечный Крестъ и одержалъ побѣду надъ чувственнымъ Амали-

комъ, такъ и Господь нашъ изобразилъ Своею пречистою плотію ту же фигуру *четвероконачнаго Креста* (когда простеръ Свой длани крестообразно) и одержалъ побѣду надъ духовнымъ Амаликомъ, — надъ діаволомъ и его царствомъ.

IX-е столѣтіе.

Къ этому столѣтію относится извѣстное *преніе св. Кирилла философа* (учителя словенскаго, преставившагося въ 869 г.; память его 14 февраля и 11 мая, вмѣстѣ съ св. Меѳодіемъ) съ еретикомъ *Анніемъ* (иконоборствующимъ патріархомъ Іоанномъ Грамматикомъ). На это преніе любятъ ссылаться и сами старообрядцы, но только они дѣлаютъ изъ него совершенно не тотъ выводъ относительно Креста Господня, который на самомъ дѣлѣ изъ него слѣдовало бы сдѣлать. Вотъ что говоритъ св. Кириллъ: *четыре бо части имать Крестъ: аще и едина его часть убудетъ, то убо своего образа не являетъ*. Старообрядцы относятъ эти слова къ четверочастному (осьмиконечному) Кресту и дѣлаютъ изъ нихъ такое заключеніе: если отъ сего четверочастнаго Креста отнять одну какую-либо часть, то онъ уже не будетъ истиннымъ Крестомъ Христовымъ; а отсюда прямое слѣдствіе, по мнѣнію старообрядцевъ, то, что православная Греко-Россійская Церковь, почитая Крестъ двучастный, не содержитъ истиннаго Креста Господня поелику Крестъ двучастный лишенъ двухъ своихъ частей: титла и подножія. Между тѣмъ достаточно безпристрастно вникнуть въ слова св. Кирилла, чтобы понять ихъ истинный смыслъ. Если бы онъ разумѣлъ Крестъ четверочастный (осьмиконечный), то выходило бы, согласно его словамъ, что двучастный (четвероконачный) Крестъ, лишенный двухъ частей Креста четверочастнаго (титла и подножія), не есть даже и образъ Креста Христова. Но съ такимъ пониманіемъ едва ли согласятся и сами ревнители старыхъ обрядовъ, такъ-какъ они, при всей своей ненависти къ двучастному Кресту,

все-таки всегда считали и считают его образом и сѣнію „истиннаго“ Креста Христова, — четверочастнаго Креста. Напротивъ, если принять, что Крестъ, о которомъ говоритъ св. философъ, есть Крестъ двучастный, то въ словахъ его нельзя найти никакой несообразности и неясности, потому что, дѣйствительно, если лишимъ сей двучастный Крестъ какой-нибудь составной его части, то уже не только не получимъ Креста, но даже и крестнаго образа, ибо будемъ имѣть или такую форму: $\top$, или такую: $\neg$, или такую: $\vdash$, или, наконецъ, такую: $\perp$, изъ коихъ ни одна не являетъ въ себѣ крестнаго вида. Такимъ образомъ нельзя безъ очевидной натяжки и искаженія смысла рѣчи св. Кирилла относить его слова къ четверочастному Кресту, какъ это дѣлаютъ старообрядцы: св. Кириллъ говоритъ не объ иномъ какомъ видѣ Креста, какъ именно о *четвероконачномъ*.

Изъ IX-го столѣтія мы можемъ указать глаголемымъ старообрядцамъ и другое свидѣтельство. Въ греческой пергаменной *Псалтири* IX-го вѣка, бібліотеки А. И. Хлудова, въ числѣ находящихся въ немъ многихъ *миніатюръ**), на листѣ 65 обор. изображены мученики, въ рукахъ которыхъ *Кресты четвероконачные*. Здѣсь же, на листѣ 70 обор., на которомъ начинается 72 псаломъ противъ словъ: *положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ преиде по земли*, изображенъ *четвероконачный Крестъ* на полукружїи, а подъ нимъ два человѣка, представляющіе еретиковъ - хулителей, головы которыхъ подняты къ Кресту, а языки ихъ простираются до земли. Въ этой же Псалтири есть и Кресты осьмиконечные: явный знакъ, что въ IX столѣтіи православная Церковь равночестно почитала, какъ четвероконачный, такъ и осьмиконечный Крестъ, какъ и доселѣ почитаетъ**).

*) *Миніатюрами* называются мелкія изображенія, иногда раскрашенныя, находящіяся въ нѣк. древнихъ рукописяхъ.

**) См. „Выписки Озерскаго“, т. II, стр. 274—275, по 3 изд.

Х-е столѣтіе.

Въ Римской Ватиканской библіотекѣ хранится пергаменный *Минологіонъ* (Мѣсяцесловъ) Греческаго Императора Василя Порфиророднаго, жившаго въ X вѣкѣ, изданный въ 1727 г. въ Урбинѣ съ присовокупленіемъ латинскаго перевода и точнымъ воспроизведеніемъ находящихся въ рукописи рисунковъ*).

Въ первой части этого изданія находятся, между прочимъ, слѣдующія изображенія:

На стр. 146 и 210 изображены крестные ходы, въ которыхъ предносимый *Крестъ четвероконечный*, подобный по виду Корсунскому Моск. Успенскаго собора.

На стр. 25, 69, 82, 102, 111, 125, 135, 138 и 141 изображены храмы съ четвероконечными на нихъ Крестами.

Во второй части находятся, между прочимъ, слѣдующія изображенія:

На стр. 121 преп. Макарій, а на стр. 173 преп. Θεодосій изображены держащими въ десницахъ *четвероконечные Кресты*.

На стр. 137 изображенъ крестный ходъ, въ которомъ предносимый *Крестъ четвероконечный*.

На стр. 4, 9, 11, 16, 19, 24, 55, 64, 72, 78, 92, 104, 106, 111, 113, 128, 136, 140, 156, 169, 180, 182, 212 и 214, изображены храмы съ *четвероконечными на нихъ Крестами***).

XI-е столѣтіе.

Изъ этого столѣтія мы можемъ указать старообрядцамъ на слѣдующія свидѣтельства: *блаж. Θεофилакта Болгарскаго, преп. Никона, игумена Черныя горы* (близъ Ан-

*) Экземпляръ этого изданія можно видѣть въ библіотекѣ А. И. Хлудова.

**) См. „Выписки Озерскаго“, т. II, стр. 275 и 276.

тіохіи), а также на пергаменный *Сборникъ Святославовъ* (6581 г., или 1073 г.) и на мѣдный Крестъ преп. Марка Пещерника (преставившагося въ началѣ 12 вѣка, память его 29 декабря).

Вотъ что говоритъ блаж. Теофилактъ (преставился въ 1085 г.) въ своемъ *Толкованіи на Ев. Матѳея*, гл. 26, зач. 113:

„Крестомъ умираетъ Господь, яко да и древо освятить, имже прокляти быхомъ, и всю вселенную благословить и небесная, еже является *высотой* Креста. Тоже и преисподняя, яже *подножіемъ* Креста является. Концы же земли, восточныя и западныя, еже является *обоими странами* Креста“ (Заимствовано изъ „Выписокъ Озерскаго“, т. II, стр. 254).

Несмотря на свою краткость, свидѣтельство блаж. Теофилакта заключаетъ въ себѣ довольно убѣдительное слово противъ хулителей святаго четвероконечнаго Креста. Объясняя таинство Креста Христова и имѣя въ виду слова Ап. Павла о высотѣ, долготѣ, глубинѣ и широтѣ (Ефес. 3, 18), Болгарскій святитель говоритъ, что Христосъ потому умираетъ не иною какою-либо смертію, какъ только крестною, дабы, во-первыхъ, освятить то древо, чрезъ которое Адамъ подпалъ подъ клятву, и во-вторыхъ, чтобы дать благословеніе всему міру, именно: *небу* (которое есть *высота* Креста), *преисподней* (которая есть *подножіе* или *глубина* Креста) и *концамъ земли*, восточному и западному (которые суть *долгота* и *широта* Креста или двѣ поперечныя его оконечности). Здѣсь, очевидно, опять рѣчь идетъ о *четвероконечномъ Крестѣ*.

Въ старопечатныхъ славянскихъ книгахъ (напр. въ кievскихъ и почаевскихъ) встрѣчаются творенія *преподобнаго Никона, игумена Черныя горы*, жившаго въ XI столѣтіи и подвизавшагося въ обители преп. Симеона Дивногорца, именовавшейся *Черною горой*, близъ Антіохіи. Творенія сего подвижника состоятъ изъ собранія различныхъ мыслей и повѣстей, также и церковныхъ правилъ и многихъ

писемъ. Извѣстнѣйшій трудъ его есть *Пандекта*, — нѣчто въ родѣ изборника или современныхъ намъ духовно-нравственныхъ христоматій. Въ 1795 г. въ Почаевѣ напечатано это сочиненіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими. Въ этой книгѣ, въ 8-мъ словѣ, на листѣ 54, читаемъ: „*iota* едина или едина черта знаменіе глаголетъ *прекому* (т.-е. поперечному) начертанію, и *правому* (т.-е. прямому) паки, *имижже образъ крестный нарисуется*“. Здѣсь, очевидно, преп. Никонъ объясняетъ 18-й стихъ 5-й главы Евангелія отъ Матѳея, и (что особенно замѣчательно) его объясненіе вполне согласно съ тѣмъ объясненіемъ этого мѣста, какое сдѣлалъ св. Григорій Нисскій, и которое мы привели въ своемъ мѣстѣ. Это согласіе ясно свидѣтельствуется о томъ, что еще въ XI столѣтіи, когда уже процвѣтала наша православная Россійская Церковь, мысль, что Крестъ Христовъ состоитъ *изъ двухъ древъ*, — изъ *праваго* (прямаго) и *прекаго* (поперечнаго), — столь ясно высказанная св. Григоріемъ Нисскимъ въ IV столѣтіи, далеко не исчезла, но открыто высказывалась иноками православныхъ восточныхъ монастырей. Замѣчательно и то, что и во многихъ нашихъ древнихъ славянскихъ книгахъ приведенныя слова преп. Никона неоднократно встрѣчаются, какъ и вообще его творенія: очевидно, что наши благочестивые предки высоко уважали преп. Никона и съ уваженіемъ принимали его ученіе о *двухъ древахъ* Креста Господня.

Въ пергаменномъ *Сборникѣ Святославовомъ* 6581 (1073) года, хранящемся въ Моск. Синод. библіотекѣ подъ № 31, на листѣ 3-мъ и на оборотѣ изображены трехкупольные храмы, внутри которыхъ изображены лики святыхъ: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ рукахъ *Кресты четвероконечные*. Здѣсь же, на листѣ 128 и на оборотѣ, изображены одноглавыя храмы съ *четвероконечными* на нихъ *Крестами*.

Въ Кіево-Печерской лаврѣ хранится византійской работы мѣдный Крестъ преп. *Марка Пещерника*, жившаго

въ XI вѣкѣ. Крестъ сей видомъ *четверокопечный*. На продольной части его насѣчено изображеніе Спасителя, а на поперечной части — Апостоловъ, съ подписью по-гречески*).

XII-е столѣтіе.

Во Владимірѣ (на Клязьмѣ), въ Успенскомъ соборѣ, построенномъ 1158—1160 г., внутри храма, въ числѣ новооткрытыхъ въ 1881 г. древнихъ фресковъ, находятся изображенія одного Креста осьмикопечнаго, одного шестикопечнаго и двухъ *четверокопечныхъ*. Слѣдовательно, наши благочестивые предки не учили, подобно старообрядцамъ, что только осьмикопечный Крестъ слѣдуетъ почитать, но одинаковую честь воздавали и другимъ Крестамъ: и шестикопечному, и *четверокопечному*. Пусть поучатся у нихъ глаголемые старообрядцы!

Въ томъ же Владимірѣ, на трехъ наружныхъ стѣнахъ Дмитріевскаго собора, построеннаго въ 1194 году, находятся современные постройкѣ собора — выпуклыя изображенія святыхъ, въ числѣ которыхъ есть и мученики: на западной сторонѣ одинъ, на южной — шесть и на сѣверной — двѣнадцать мучениковъ, въ десницахъ которыхъ изображены *Кресты четверокопечные*.

Въ церкви Спаса въ Нередицахъ, близъ Новгорода, построенной въ 1199 году, изображенъ строитель ея, князь Владиміръ Ярославичъ, съ церковію въ рукѣ, преподносямою Спасителю. На сей церкви — *Крестъ четверокопечный*.

На *Евангеліи Мстиславовомъ*, писанномъ на пергаменѣ въ началѣ XII-го столѣтія, хранящемся въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, на верхней доскѣ находятся дробницы съ мозаическими изображеніями, устроенныя, какъ и вся оправа Евангелія, въ Царѣ-градѣ. Между

*) Извѣстія о Сборникѣ Святослава и о Крестѣ преп. Марка заимствованы изъ «Выписокъ Озерскаго», т. II, стр. 276.

изображеніями, по угламъ и внизу посрединѣ, находятся пять мучениковъ, въ рукахъ которыхъ *Кресты четвероконечные**).

ХІІІ-е столѣтіе.

Въ пергаменномъ *Евангеліи*, написанномъ около 1250 года, хранящемся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, изображена „агіа катерина“ (т.-е. святая Екатерина) съ *четвероконечнымъ* въ рукѣ *Крестомъ*.

Въ *Уставѣ* церковномъ, писанномъ на пергаменѣ въ ХІІІ столѣтіи, хранящемся въ Моск. Синодальной библіотекѣ подъ № 328, на 1-мъ листѣ изображенъ храмъ, на главахъ котораго *Кресты четвероконечные* съ полукругомъ на мѣстѣ подножія.

Въ пергаменной *Псалтири* ХІІІ-го столѣтія, библіотеки А. И. Хлудова подъ № 3, на листахъ 85, 147, 152, 159 и 175 изображены одноглавые храмы, на которыхъ *Кресты четвероконечные*, также съ полукругомъ (исключая одного на л. 152) на мѣстѣ подножія. На листѣ 244 изображена Богоматерь, сѣдѣющая въ храмѣ, на главѣ котораго *Крестъ* также *четвероконечный*. А на листѣ 241 изображенъ двуглавый храмъ, на одной главѣ котораго *Крестъ осмиконечный*, а на другой *четвероконечный*: ясное доказательство того, что въ ХІІІ вѣкѣ православные русскіе люди равночестно почитали и тотъ и другой Крестъ, не такъ, какъ нынѣ дѣлаютъ старообрядцы**)

ХІV-е столѣтіе.

Въ пергаменномъ *Сборникѣ* ХІV-го столѣтія, библіотеки Московской Синодальной типографіи подъ № 159, въ житіи страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, на листахъ 147, 149, 151 и 152 на обор., изображены одноглавые храмы съ *четвероконечными Крестами*, изъ коихъ одинъ,

*) См. «Выписки Озерскаго», т. II, стр. 276—277.

**) См. «Выписки Озерскаго», т. II, стр. 277—278.

на листѣ 147, съ полукругомъ на мѣстѣ подножія. Здѣсь же, на листахъ 141 и 147, изображены крестные ходы, въ которыхъ предносимые Кресты шестиконечные.

Въ пергаменномъ *Прологѣ* XIV-го вѣка, хранящемся въ Импер. Публ. библіотекѣ, изображена пятиглавая церковь, на которой *Кресты четвероконечные**).

Къ этому же столѣтію относится *канонъ животворящему Кресту Господню*, который сочинилъ преп. Григорій Синаитъ (преставился въ 1310 году; память его 8 августа) и который доселѣ употребляется при Богослуженіи и въ православной Греко-Россійской Церкви, и у глаголемыхъ старообрядцевъ. Въ стихѣ 2-мъ 1-й пѣсни сего канона говорится:

„Кресте всечестный, *четвероконечная сила*, Апостоломъ благолѣпіе...“

Слѣдовательно, и здѣсь ясное указаніе на почитаніе святаго четвероконечнаго Креста.

ХV-е столѣтіе.

Въ началѣ сего столѣтія жилъ *блаж. Симеонъ Солунскій*, который оставилъ намъ извѣстное сочиненіе о церковномъ Богослуженіи. Въ „Выпискахъ Озерскаго“ (т. II, стр. 255—256) приводится слѣдующая выдержка изъ древней рукописной книги твореній *блаж. Симеона*:

„Самъ же Владыка и яже Его яко и чрезъ таинства зрится жремый же и лежащій. Тѣмъ и зади жертвенника самаго изъ востоковъ благословенное орудіе жертвы Божественный стоитъ Крестъ *четверочастенъ* сый ради на немъ пригвожденнаго. Горняя же и дольная и всяческая сотворшаго же и содержащаго: и горняя сущымъ на земли соединившаго, свыше долъ низшедшаго, изъ долу же горъ возвысившаго и въ Себѣ Самомъ вся соединившаго, и концы созвавшаго, и высотой Божества и смиреніемъ воплощенія вся усвоившаго, и высотой

*) См. тамъ же, стр. 278.

славы, и глубиною нищеты и смиренія, и широтою милости и любви, ны возсоздавшего. И мѣсто на земныхъ на небесныя ны сотворшаго, сія бо образуетъ Крестъ, и таинство Троицы чрезъ Крестъ и образъ сей намъ подавшего, и *правымъ* убо являющій Отца высочайшаго и нами сущими на земли промышляющаго. *Пречнымъ* же Сына самаго и Духа (блаж. Симеона Солунскаго, рукописная, книга I, гл. 133, листъ 149)“.

Здѣсь все время рѣчь идетъ о таинственномъ значеніи Креста. Онъ называется *четвероконачнымъ*, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ, обыкновенно, употребляется сіе наименование у старообрядцевъ, т.-е. лишь о Крестѣ осмиконачномъ, — но подъ наименованіемъ *четверочастный* блаж. Симеонъ разумѣетъ въ данномъ мѣстѣ не иной Крестъ, какъ *четвероконачный*. Доказательствомъ сему могутъ служить послѣднія слова приведенной нами выдержки, въ которыхъ говорится *лишь о двухъ древахъ* Креста: о *правомъ* (т.-е. прямомъ), которое, по словамъ блаж. Симеона, таинственно являетъ Бога Отца, и о *пречномъ* (т.-е. поперечномъ), которое являетъ собою Бога Сына и Бога Духа Святаго. Такимъ образомъ въ указанной выдержкѣ выраженіе *четверочастный* совершенно равняется по смыслу выраженію *четвероконачный*, при чемъ *частями* называются крестныя *оконечности*.

Кромѣ свидѣтельства блаж. Симеона, къ XV столѣтію относится еще слѣдующее археологическое свидѣтельство:

На древней иконѣ св. Николая Чудотворца грузинскаго письма XV вѣка, принадлежащей владимірскому купцу Удину, къ которому она перешла отъ князей Черкасскихъ, — задняя сторона обложена серебромъ, въ срединѣ растворчатый Крестъ, подъ которымъ хранятся свв. мощи, и вокругъ Креста вырѣзана грузинская надпись. Крестъ сей видомъ *четвероконачный*; по сторонамъ его грузинская надпись, означающая по-русски: *Христовъ Крестъ* *).

*) См. «Выписки Озерскаго», т. II, 279.

XVI-е столѣтіе.

Къ этому столѣтію относится очень важное свидѣтельство о древности почитанія святаго четвероконечнаго Креста, которое тѣмъ болѣе можетъ быть убѣдительно для глаголемыхъ старообрядцевъ, что принадлежитъ столь уважаемому ими Стоглавому собору, бывшему въ Москвѣ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ и митрополитѣ Макаріи, въ 1551 году.

Около того времени возобновленъ былъ верхъ Успенскаго собора: по приказанію царя, кровля этого храма была вновь позолочена, и на верхней его главѣ воздвигнутъ былъ новый Крестъ, названный въ Стоглавѣ *воздвизальнымъ, имѣже благословляютъ*. По поводу постановки сего Креста царь нашелъ нужнымъ обратиться къ отцамъ собора съ слѣдующимъ вопросомъ: „и на церквахъ ставятъ Кресты по древнему закону, — нынѣ убо водруженъ Крестъ животворящій на соборной церкви Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея успенія, на новопозлащенномъ версѣ, якоже есть въ церквахъ *воздвизальный Крестъ, имѣже благословляютъ*: и о томъ разсудити и уложить на святомъ соборѣ, которымъ образомъ впередъ ставить Кресты на церквахъ, и о тѣхъ Крестахъ, которые Кресты стоятъ на церквахъ, достоинъ поразсудити“. Изъ этихъ словъ царя можно заключить, что новый Крестъ, поставленный на главѣ Успенскаго собора, чѣмъ-нибудь отличался отъ всѣхъ остальныхъ Крестовъ, ставившихся на храмахъ: иначе къ чему надобно было царю предлагать собору вопросъ о томъ, какіе Кресты употреблять для сей цѣли, — такіе ли, какіе были дотолѣ, или такіе, каковъ былъ новопоставленный Крестъ? Еще болѣе становится яснымъ это различіе новаго Креста, „воздвизальнаго“, отъ прежнихъ — изъ отвѣтныхъ словъ отцовъ собора; вотъ эти слова: „*якоже искони* на свв. церквахъ *святые Кресты* водружены и

поставлены и до днесь, такоже да пребываютъ неподвижными. Тако же и *нынѣ* убо *водруженъ бысть* и поставленъ *святый Крестъ* благочестивымъ царемъ Іоанномъ на соборной церкви Пресвятыя Богородицы, на новопозлащенномъ версѣ, якоже есть *воздвизальный Крестъ*, *имѣже благословляютъ*: и тако да стоитъ на славу Богу, и на умноженіе лѣтъ благочестивому царю Івану и на сохранение его и всего россійскаго царствія, — и таковыя святые Кресты на церквахъ и впредь да поставляютъ (гл. 41, вопр. 8)“. Въ этомъ отвѣтѣ, очевидно, рѣчь идетъ о двоякаго рода Крестахъ: одни изъ нихъ, искони водружавшіеся на вершинахъ свв. храмовъ, по опредѣленію собора, должны оставаться на своихъ мѣстахъ недвижимыми; другіе же, во всемъ подобные тому Кресту, который поставилъ на Успенскомъ соборѣ царь Іванъ Васильевичъ, отнынѣ также могутъ быть употребляемы для утвержденія на храмовыхъ главахъ. Въ чемъ же именно заключалось различіе первыхъ Крестовъ отъ вторыхъ? Старообрядцы не могутъ сомнѣваться, что Крестъ „воздвизальный, имѣже благословляютъ“, есть не иной какой-либо, какъ Крестъ осьмиконечный или четверочастный, потому что это, очевидно, тотъ Крестъ, который хранится на св. престолѣ, и съ которымъ священнослужитель исходитъ для отпуста, причемъ и благословляетъ Крестомъ весь народъ; а такіе Кресты, какъ до патр. Никона, такъ и послѣ него, устраивались и теперь часто устраиваются съ титломъ и подножіемъ и, слѣдовательно, суть Кресты осьмиконечные. Если же „воздвизальный“ Крестъ, поставленный царемъ Іоанномъ IV на главѣ Успенскаго собора, былъ четвероконечный или осьмиконечный, то, слѣдовательно, Кресты, ставившіеся на храмахъ до того времени, имѣли другой видъ, т.-е. были или шестиконечные, или *четвероконечные**). Послѣднее (т.-е. что эти Кресты были *четвероконечными*) потому

*) См. Ист. раск. преосв. Макарія, стр. 72—73.

вѣроятнѣе, что и доселѣ на многихъ древнихъ храмахъ, построенныхъ или перестроенныхъ еще до Іоанна Грознаго, мы видимъ именно *четвероколенные* Кресты. Для примѣра укажемъ старообрядцамъ на Благовѣщенскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ: всѣ многочисленныя главы его увѣнчаны Крестами *четвероколенными*, которые такъ древни, какъ и самъ соборъ, построенный въ 1489 г. на мѣстѣ прежняго, построеннаго въ 1397 году и сло-маннаго до основанія. Добросовѣстно ли послѣ сего, со стороны старообрядцевъ, совершенно отвергать древность Креста двучастнаго, считать его „новшествомъ“ патр. Никона и лишь осьмиконечный Крестъ называть древле-православнымъ?

Укажемъ еще два свидѣтельства о древности святаго четвероколеннаго Креста изъ того же XVI столѣтія.

Въ библіотекѣ Костромскаго Ипатіевскаго монастыря хранится лицевая *Псалтирь*, пожертвованная въ 1591 г. бояриномъ Димитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ. Въ этой Псалтири, на мѣстѣ, гдѣ читается 77 псаломъ, изображенъ храмъ, на главѣ котораго *Крестъ четвероколенный*.

Въ Австріи, въ Буковинѣ, въ г. Сучавѣ, въ церкви св. Іоанна Предтечи, въ которой почиваютъ мощи св. великомученика Іоанна Новаго (пострадавшаго въ тридцатыхъ годахъ XIV вѣка; память его 2 іюня), и которая построена и украшена фресковыми изображеніями Молдавскимъ воеводою Стефаномъ въ 1514—1522 годахъ, у мѣста, назначеннаго для сказыванія проповѣди, на стѣнѣ, изображены святыя равноапостольные царь Константинъ и мать его Елена, а посреди ихъ *четвероколенный Крестъ* съ надписью: *іс хс **).

XVII-е столѣтіе —

есть то столѣтіе, когда жилъ патр. Никонъ. Старообрядцы обвиняютъ сего патріарха въ томъ, что онъ первый ввелъ

*) См. „Выписки Озерскаго“, т. II, стр. 278 и 279.

въ употребленіе *четверокопечный Крестъ*. А между тѣмъ пусть обратятъ они вниманіе на то, что еще въ *Служебникѣ*, напечатанномъ при предшественникѣ Никона, патр. Іосифѣ, въ лѣто 7154—7155 (1646), въ чинѣ литургіи св. Іоанна Златоуста, на листѣ 113, мы читаемъ слѣдующее:

„глаголя (діаконъ) ко іерею, благослови владыко святое предложеніе се. іерей благословитъ рукою на святая *крестообразно*“.

Затѣмъ на листѣ 113 на обор.:

„іерей же, цѣлуетъ святое Евангеліе, и *творитъ крестъ* на главѣ діакону“.

На листѣ 154:

„іерей же раздѣливъ святыи хлѣбъ, на четыре части, полагаетъ ихъ на святѣмъ дискосѣ, *крестообразно*“. Здѣсь явный *четверокопечный Крестъ*, котораго такъ боятся старообрядцы! Почему же смущаются они, что нынѣ въ православной Церкви употребляются просфоры, на которыхъ изображенъ *четверокопечный Крестъ* *).

Мы закончили наше обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ христіанской древности, и письменныхъ, и вещественныхъ, о томъ, что православная Церковь всегда, начиная со времени свв. Апостоловъ и кончая вѣкомъ патр. Никона, благоговѣнно почитала святыи *четверокопечный Крестъ*. Къ какому же выводу приходимъ мы теперь? Къ тому ли, что единый Крестъ *четверокопечный* есть только истинный Крестъ Господень, а всѣ прочіе виды Креста, въ томъ числѣ и *осьмикопечный*, не суть изображеніе истиннаго Креста Христова? Но, дѣлая такой выводъ, мы послѣдовали бы примѣру самихъ старообрядцевъ, которые, отвергая святость *четверокопечнаго Креста*, принимаютъ лишь *осьмикопечный* за истинный

*) Другія свидѣтельства о древности *четверокопечнаго Креста* см. въ книгѣ митр. Григорія: „*Истинно-древняя и истинно-православная Христ. Церковь*“.

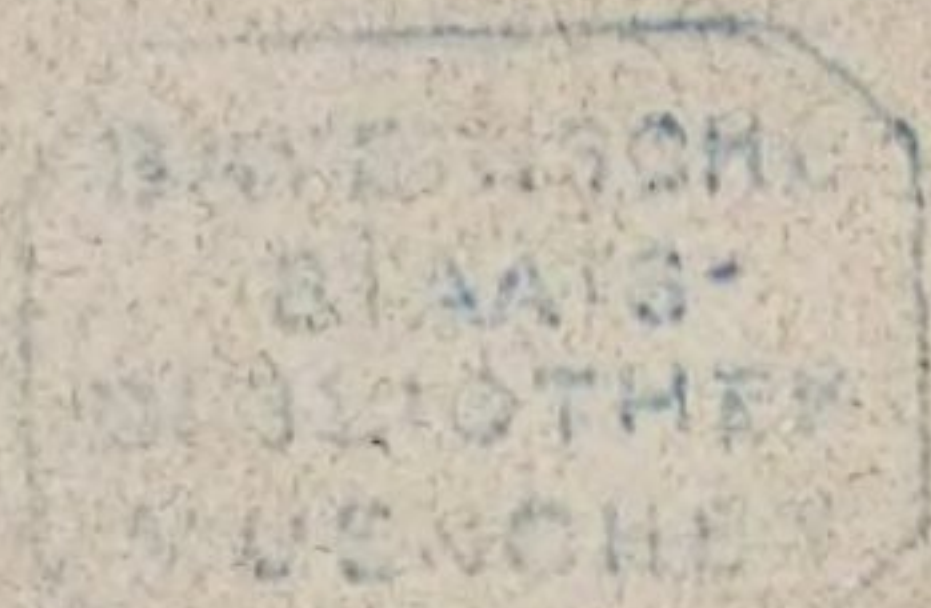
Крестъ Христовъ. Разница между нами и ими была бы только та, что они считаютъ осьмиконечный Крестъ истиннымъ Крестомъ и отвергаютъ четвероконечный; мы же, напротивъ, почитали бы единый четвероконечный за истинный, отвергая осьмиконечный. Мы далеки отъ такого узкаго и неправильнаго заключенія: нашъ выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ лишь тотъ, что *четвероконечный Крестъ издревле считался святымъ и благоговѣнно почитался, какъ наиболее выражавшій внутреннее значеніе крестнаго таинства*. Но при этомъ мы не имѣемъ никакого права отвергать другія формы Креста, именно: осьмиконечную и шестиконечную. Сущность крестнаго таинства вовсе не въ числѣ окончностей Креста, но въ силѣ, которую онъ имѣетъ въ себѣ отъ Самого Христа, на немъ распятаго. И наша православная Греко-Россійская Церковь вполнѣ придерживается сего взгляда и доказываетъ это тѣмъ, что *равно почитаетъ, какъ четвероконечный, такъ и осьмиконечный Крестъ Господень, и одинаково любитъ изображать и тотъ, и другой*.

Предвидимъ вопросъ, который могутъ предложить намъ здѣсь старообрядцы: если православная Греко-Россійская Церковь равно почитаетъ и осьмиконечный, и четвероконечный Крестъ, то почему на соборѣ 1667 года она замѣнила на просфорахъ печать съ осьмиконечнымъ Крестомъ печатью съ Крестомъ четвероконечнымъ? Къ такой замѣнѣ вызвала Церковь Россійскую вовсе не та мысль, будто осьмиконечный Крестъ не есть истинный Христовъ Крестъ, ибо, если бы сія мысль была причиною замѣны, то въ такомъ случаѣ какъ понять, что во всѣхъ другихъ случаяхъ осьмиконечный Крестъ не только не изгнанъ, но и доселѣ употребляется въ нашихъ храмахъ? Почитая и четвероконечный Крестъ равнымъ по святости съ осьмиконечнымъ, Церковь имѣла полное право на всероссійскомъ соборѣ, на которомъ присутствовали и нѣкоторые представители и Греческой Церкви, сдѣлать измѣ-

неніе печати на просфорахъ, и сдѣлала сіе измѣненіе *ради удобства*, но никакъ не ради презрѣнія къ осьмиконечному Кресту: печать съ четвероконечнымъ Крестомъ болѣе соотвѣтствуетъ крестообразному, какое требуетъ служебникъ, разрѣзанію Агнца.

Что же послѣ сего смущаетъ нашихъ ревнителей старыхъ обрядовъ? За что упрекаютъ они Церковь по отношенію къ крестному почитанію? За то ли, что она якобы отвергла осьмиконечный Крестъ? Но мы видѣли, что это — клевета на нее: она всегда почитала и доселѣ почитаетъ сей Крестъ наравнѣ съ четвероконечнымъ и шестиконечнымъ. За то ли, что она не столько смотритъ на наружный видъ Креста, сколько останавливаетъ свое вниманіе на его внутреннемъ значеніи? Это, дѣйствительно, правда, но такая правда, за которую не только нельзя порицать Церковь, но слѣдуетъ ублажать ее, ибо въ этомъ она слѣдуетъ примѣру святыхъ Апостоловъ и святыхъ Отецъ: Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Григорія Нисскаго и многихъ другихъ, слова которыхъ мы привели старообрядцамъ. Имѣя такой *облакъ свидѣтелей*, — великихъ и святыхъ свидѣтелей, — Церковь, слѣдующая ихъ словамъ и правиламъ, не можетъ быть названа неправославною, но крѣпка въ православіи и непоколебимо стоитъ на камени вѣры до скончанія вѣка, по обѣтованію Самого Господа Іисуса Христа, рекшаго пречистыми усты своими, что *врата адова не одолѣютъ ей* (Мат. 16, 18).

Да поможетъ же Онъ, Пастыреначальникъ и Глава Церкви, снова привести къ стаду Его овецъ, уклонившихся ко иному двору, и да воссоединитъ Онъ ихъ снова съ чадами истинно древней и истинно православной Церкви, да *будетъ едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. 10, 16)!

Arsėnev, Yvan

O ravnočestnom počitanii svjatago Kresta četverokonečnago i ośmikonečnago
Sočinenie Ivana Arsėneva. Izdanie Bratstva Sv. Petra Mitropolita

Moskva 1889

H.eccl. 3154 t

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11614312-9